

КОСТЁР

2 ФЕВРАЛЬ 1974

КОСТЕР

2

ФЕВРАЛЬ
1974

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР
Издается с 1936 года

© „Костер“, 1974 г.

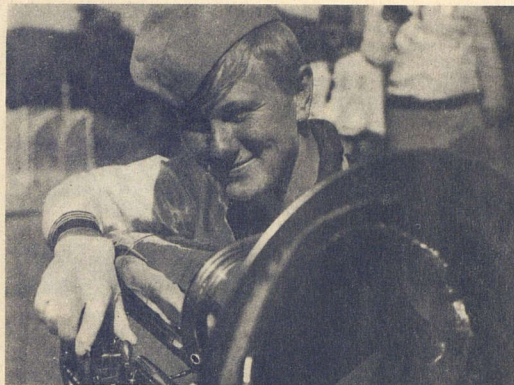

МЫ

И „ЗАРНИЦА“

Ира Колесниченко и ее подруга улыбаются—значит, дела ростовской команды пошли лучше.

Дружный отряд Красноульсской средней школы поделил на финале «Зарницы» первых три места с ребятами из села Софиевки и из Улан-Удэ.

АЛЛА ПРИСЯЖНЮК. В финале «Зарницы» я участвую второй раз — была уже в Бресте в составе сборной команды. Тогда я еще только шестой класс кончила. На брестском финале у меня было хорошее время на разборке автомата — 18 секунд.

Здесь меня на стрельбе неудача постигла: в школе на официальных соревнованиях я 48 очков выбивала, а вчера и сорока не выбила.

Я хочу стать врачом, а в отряде я не санитарка, а связистка. Ну и что такого? Санитарки у нас в отряде уже есть, а связистка нужна была. Вот я и стала готовиться. Выучила се-

мафорную азбуку. Завтра выяснится, как я подготовилась.

Команда связистов из села Софиевка Днепропетровской области заняла на соревнованиях третье место.

САША ГЕЗЕ. У нас в деревне Масловка памятник-обелиск над братской могилой воинов, павших во время Великой Отечественной войны. Ребята из нашего города разыскали родственников почти всех солдат, похороненных в этой могиле. И только об одном из героев ничего не было известно — об Иване Тимофеевиче Новикове. И мы решили во что бы то ни стало узнать: кто он, кем был и где жил до войны, жив ли кто-нибудь из близких ему людей.

Искали в газетах военных

лет, писали в архивы разных городов, в Центральный Наградной отдел в Москву. Переписка была у нас огромная. И наконец, нашли. Но не родственников... а самого Ивана Тимофеевича! Да, Иван Тимофеевич жив, живет в с. Грабово Пензенской области, работает в грабовской средней школе. В том бою за Карачев сержант Новиков был тяжело ранен, его подобрала чужая воинская часть, он попал в госпиталь, в глубокий тыл, поправился, вернулся на фронт, продолжал

сражаться с врагами до конца войны и так и не знал до самого недавнего времени, что много лет тому назад вместе с другими однополчанами, погибшими в бою под Караче-

вым, ему было посмертно присвоено звание Героя.

Иван Тимофеевич приезжал к нам в гости. Капитан запаса И. Т. Новиков — почетный пионер нашего города.

ИРА КОЛЕСНИЧЕНКО.

Класс у нас был не очень дружный. Это и понятно: в английскую школу ребята приезжают из всех районов Ростова. Так что вместе мы были только в школе, а после уроков или сами по себе, или с

друзьями по дому, по двору, по улице. В «Зарницу» мы играем уже четыре года. С пятого класса я командир отряда. Первых успехов наш отряд добился в прошлом, семьдесят втором году, — третье место на районных соревнованиях. Каскад соревнований, большая нагрузка, ребята по-настоящему сдружились, даже успеваемость стала лучше — и вот первое место на областных соревнованиях.

Отстрелялись мы не очень хорошо. За себя-то я довольна: 45 очков — это мой лучший результат. А вообще-то слабовато. Многие ребята выбивали и больше, а сегодня всего у восьмерых больше 42-х очков — это не выше 10-11 места. Ну ничего, впереди еще смотрения, соревнования по юнармейским специальностям — не будем вешать носа.

НАТАША ГУСЕВА. Мы — дети военных моряков, и школа наша носит имя моряка Петра Ильича — на одном из Курильских островов он совершил тот же подвиг, что и Александр Матросов.

Ребята приехали с родителями из разных мест. Я в Москве родилась. Жила в Ленинграде, только уже не помню где, совсем маленькая была. Ребята у нас в школе дружные — учимся все в одной школе и живем рядом. Из Петропавловска-на-Камчатке добирались мы до «Орленка» так: сначала на автобусе до аэропорта, потом шестнадцать часов на самолете, потом снова от Адлера на автобусе — всего за сутки почти через всю страну.

Многие из наших ребят на Черном море впервые, а я уже бывала. Но все равно на соревнованиях немножко растерялась. У нас, санитарок, был такой этап на соревнованиях — «Аптека в лесу», нужно было найти и назвать лекарственные растения. А здесь, конечно, много таких деревьев и трав, каких на Камчатке не встретишь. Я их только на картинках видела. Но зато, когда стала про наши камчатские лекарственные травы рассказывать, меня похвалили. У нас зима длинная, снежная, и травы летом густые, высокие, не то что на западном побережье.

Завтра смотр

ФЕДЯ БУКЛЕЕВ. В нашем отряде ребята с семи хуторов. **ЗОЯ БУКЛЕЕВА.** Школа в Красной Ульке. От самого дальнего хутора Калинина — ребятам до школы четыре километра.

ФЕДЯ. Мы с Зоей живем на хуторе Ткачев.

ЗОЯ Вот Федя неправильно план сориентировал, так это потому, что мы привыкли на наши хутора с майкопского шоссе смотреть. Вот и получается, что для нас направление от шоссе вроде главное, чем север — юг. До города на автобусе сорок минут.

ФЕДЯ. А до моря 170 км, но почти все наши ребята мечтают стать моряками. Поэтому и отряд наш называется «Юнга», и форму мы выбрали морскую.

ЗОЯ. Форму мы сами купили. Прополоди 18 га свеклы и заработали 400 рублей.

ФЕДЯ. В школе у нас и кукольный театр для малышей есть, и духовой оркестр. А еще все наши хуторские очень любят хоккей. Но настоящая зима у нас не больше месяца.

ЗОЯ. В настоящем хоккее братья часто в одной команде

играют. Мы с Феей не братья, но играем в одной тройке. У нас команды смешанные: и мальчики, и девочки.

ФЕДЯ. Зато с юнармейскими специальностями все по правилам: я стрелок, а сестра — медсестра.

НАТАША ВАСИЛЬЕВА. Я сначала в отряде санитаркой была, а потом мы на областных соревнованиях узнали, что на финале, в «Орленке», будут соревнования юных регулиров-

щиков движения. Ну и стала готовиться. Здесь на соревнованиях тоже сначала все хорошо было: мы шли с этапа на этап почти без проколов. Прокколами на этих соревнованиях штрафные очки назывались. И вопросы все очень легкие были, например, как должен пешеход ходить по проезжей части, если нет тротуара, или от чего зависит тормозной путь. А вот на последнем этапе не повезло, то есть не то что не повезло, а просто... Последним этапом фигурная велоэстафета была: доска, восьмерка и забор. Велосипед большой, я почти не доставала ногами до педалей. И ребята в нашей команде — я и еще два мальчика — так вот, ребята тоже низенькие, и получили мы сразу три штрафных очка.

Показательные выступления спортсменов Воздушно-десантных войск и ДОСААФ в день открытия V Всесоюзного финала «Зарницы».

Приземляется трехкратный рекордсмен мира по парашютному спорту Виктор Датченко.

На его счету более 1000 прыжков.

Сейчас Виктор — инструктор Дома авиации и космонавтики пионерлагеря «Орленок». Начальную парашютную подготовку прошли у него уже более 20 000 «орлят».

Фоторассказ о финале «Зарницы-73» подготовили Михаил Еремин и Илья Колтун

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ КОМЕНДАНТ КУШКИ

В. Фарберов

Рисунки Ю. Клыкова

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО

Поезд назывался «Водяной». Он тащился через пустыню на южный край советской страны в крепость Кушку с шестью цистернами питьевой воды да с двумя товарными вагонами в хвосте, тащился, пыхтя и отдуваясь.

В одной из теплушек ехал высокий худощавый военный лет двадцати трех. По тому, как ладно и буднично сидела на нем обмундировка, виден был человек бывалый. Его звали Николай Николаевич Матвеев.

Это было в октябре 1919 года.

Его вызвал командующий 1-й Туркестанской армией и объявил, что теперь он, Матвеев, не заместитель командира полка, а комендант крепости и председатель Военного Совета Кушкинского укрепрайона.

— Приказываю организовать охрану нашей границы с Афганистаном и восстановить крепостные сооружения!

Двадцать пять военных и пять станковых пулеметов двигались в поезде «Водянка» на юг, на Кушку.

С Матвеевым были члены Военного Совета, переводчик и красноармейцы.

Поезд шел осторожно, кругом бродили банды.

— Доберемся до крепости, там будет спокойно, — говорил Матвеев.

Но в Кушке крепости не оказалось. Не было и орудий, пулеметов, патронов. Форты, казармы, конюшни, склады разрушены.

ГРАНИЦА БЕЗ ПОГРАНИЧНИКОВ

В районе Кушки на стокилометровой пограничной полосе не было ни одного пограничника. С афганской стороны на беззащитную землю переходили разные банды. После разгрома Колчака они ушли в Афганистан и время от времени делали набеги, творили насилия, грабежи и погромы.

Новый комендант прежде всего поставил пограничный пост.

Через этот пост стали курсировать наши и афганские дикпурьеры, следуя из Москвы в Кабул и обратно. Но это была еще только видимость границы, и белогвардейские банды продолжали нарушать ее.

Матвеев обратился за помощью к командующему армией. Но тот ответил:

— Обходите пока своими силами! Войска ведут бой с белой гвардией, и помочь вам нет возможности.

ШУКРУЛЛА

Обойдись своими силами, если нет даже продовольствия! Полученный на дорогу паек съели, где же достать продукты?

Тогда Матвееву посоветовали обратиться к Шукрулле, джигиту из племени джемшидов.

Джигиты любят его, говорили о нем. Слово его для них — закон. На него можно положиться.

На поиски знаменитого Шукруллы отправилась небольшой отряд красноармейцев. Всюду, где ни проезжал отряд, джемшиды ничего не слышали о происшедших в стране революционных переменах. Приходилось разъяснять, за кого борется новая власть.

Шукрулла явился в крепость, и не один, а с конным отрядом. Из кобуры приглашенного выглядывал наган. Сбоку висела сабля с офицерским темляком. Вошедший скрестил руки на груди и поклонился...

Комендант рассказал о Советской власти, о ее ненависти к богатым. Шукрулле это понравилось, он происходил из бедняков и был врагом баев.

ЭСКАДРОН ДЖЕМШИДОВ

В крепости постоянно дежурили двое из людей Шукруллы. Через них комендант однажды вызвал Шукруллу и сказал:

— Царя теперь нет. Власть в руках народа. Вот мы и решили доверить охрану границы вам и вашим товарищам.

Шукрулла заволновался. Видно было, что это предложение для него неожиданно. Наконец он сказал, что ему нужно посоветоваться с людьми, и откланялся.

Объявился Шукрулла в крепости на восьмье суток. Скестил, как всегда, руки и поклонился. Затем вынул их по швам, щелкнул каблукками и на поманом русском языке отпаротова:

— Шукрулла явился, товарищ комендант! — и пригласил членов Военного Совета под стены крепости.

Там дува шеренгами выстроились вооруженные всадники. При появлении Матвеева правофланговый джигит подал на родном языке команду и, приложив к чалме руку, что-то отпаротова.

Довольный произведенным впечатлением, Шукрулла сообщил, что в отряде давнотому семь всадников, а скоро их будет больше.

На митинге будущим пограничникам рассказывали про Октябрьскую революцию и объясняли, как охранять границу. Член Военного Совета прочитал, а переводчик перевел текст Торжественной клятвы на верность Советской власти, слова которой джигиты повторяли хором.

Скоро отряд вырос до двухсот человек. Командиром стал Шукрулла.

КОНЕЦ ГАБИДУЛЛЫ-БЕКА

На ярко-зеленой траве у озера бродили двадцать баранов, десять верблюдов, шесть лошадей и несколько злобных собак-волкодавов на толстых лапах, с обрубленными хвостами. Тут же чабаны расстелили свою кошму. Вдруг вдали показались черные точки. Скорее съезав облако легкой пыли можно было различить скачущих всадников. Собаки разом поднялись и зарычали.

— Отец, басмачи! Басмачи сюда скачут! — закричал один из чабанов, совсем еще мальчишка. И он мигом вскочил в седло, ринулся в сторону заставы.

Пограничники, случившиеся неподдаеку, услышали конский топот, остановились.

— Да это же мальчик! — воскликнул комендант. — Он скачет к нам. Что-то страшное!

— Товарищеский просьба, помогите! — заплета л мальчик. — Там басмачи! Там чабаны! Там мой отец!

— Где? — спросил комендант, и мальчик, плача, рассказал, что произошло у родника.

«Не иначе, как Габидулла-бек», — заключил Матвеев.

Этот Габидулла вовсе не был мусульманином. Под этим именем скрывался британский разведчик Мосли. Он сколотил банду и грабил окрестные кишлаки.

Матвеев был уверен, что возвращающаяся банда станет у распада, до него басмачам — пять километров от места нападения.

Пограничники и с ними мальчик — он знал здесь каждый камень — галопом двинулись к распадку.

Уже на месте комендант понял, что не ошибся. Копытный стук и отдаленное блеяние приближающихся в засаду.

План коменданта был прост: затянуть банду в «мышко» и напасть на нее с трех сторон. Захлопнуть «мышко» он поручил Шукрулле и его джигитам. Выступать разом, по сигналу.

Скорее показались бандиты. С гиком и свистом гнали они отару к границе. Под охраной трех здоровенных басмачей брели парой избитых, связанных по рукам чабанов. Замыкали шестеро четверо всадников. Один — в шелковой чалме и чистом халате. Он покривлял то на скотину, то на погонщиков. Это был глава банды Габидулла-бек.

Когда вся орава втянулась в распадок, взлетела ракета и грянули винтовки.

— Вы окружены! Если хотите быть живы, бросайте оружие! — раздался голос переводчика.

Давать пять ошеломленным бандитам тут же побросали винтовки и подняли руки. Открыли огонь лишь главарь шайки и три белогардейца. Но сразу осознав безнадёжность положения, кинулись в сторону границы.

Шукрулла первым нагнал Габидулла, наступил с ним в бой. В ход пошли сабли. Изловчившись, опытный джигит поразил англичанина мастерским ударом так, что тот замертво повалился с лошади. Такая же участь постигла и остальных трех беглецов, наступивших джигитам Шукрулла.

На следующее утро пленных доставили в крепость.

— Где же мальчик? — спросил Матвеев.

Шукрулла привел смущенного мальчишка, и члены Военного Совета рассматривали его. А Николай Николаевич вынул из ящика письменного стола старую, выцветшую виду буде-

новку с большой красной звездой и надел ее на голову смельчака.

Из допроса пленных выяснилось, что все они декане — афганцы, соблазненные Мосли легкой наживой. Они не знали о замыслах своего вожжа и теперь раскаивались и просили пощады. Их отпустили, вручивших их кланевным обещанием отныне границы не нарушать.

В ПРЕДНОВОГОДНИЙ ДЕНЬ

Еще с утра гарнизон крепости стал готовиться к встрече Нового, 1920 года. Убирали казармы, готовили праздничный стол.

Только «Водянка» поему-то не подвезла питьевую воду. Наконец выяснилось, что дорога на участие между станциями разрушена.

Баи и муллы понимали, что приходит конец их господству, и подкупали дехкан, создавали банды. Чаще всего бандиты выводили из строя железную дорогу. Их действия, не жалая средств, поддерживала иностранная разведка. Ее агенты переправляли басмачам оружие через границу.

На этот раз бандиты обстреляли рабочих, чинивших дороги. Диверсантов было около сорока.

Красноармейцы во главе с комендантом и эскадрон Шукрулла погрузились в теплушки и отбыли к месту диверсии.

Тем временем выяснилось, что на восточном склоне горы басмачи вырыли окопы и оттуда обстреливали подступы к дороге.

Лобовая атака под прицельным огнем была бессмысленна, лучше обойти басмачей сзади. Матвеев разделил отряд на две группы, чтобы, зайдя в тыл противнику, ударить по нему с двух сторон. Шести джигитам поручили незаметно подобраться к коновязи и уничтожить охрану, угнать неприятельских лошадей. Сигналом к бою послужила длинная пулеметная очередь. Всадники по низинам обошли сопку с запада и напали на басмачей с двух сторон.

Еще издали было видно, как жарко стало на восточном склоне. Даже охранявшие лошадей оставили табун без присмотра и аваялись в перестрелку. Джигитам ничего не стоило подобраться к коновязи и увести лошадей.

А группы Матвеева и его заместителя пошли к неприятелю с тыла и с разгону вле-

тели на вершину сопки. Внезапное нападение и стремительность опрокинули врага.

Через несколько часов шпалы и рельсы были уложены и «Водянка» двинулась в Кушчу.

ПОХИЩЕНИЕ

Гражданских властей в Кушке не было. Военному Совету порой приходилось разбирать самые разные дела.

Однажды в крепость явился некто Файзулла — толстый джигит из дальнего кишлака.

— Недавно, — тараторил пузан, — я купил себе жену по имени Джаным. Уплатил ее отцу большой калым. Калым уплачен, жена украдена.

— Кто же похититель? — спросил Николай Николаевич.

— Шукрулла! Вот кто злодей, украсивший мою Джаным!

Давно уже не появлялся Шукрулла в Кушке. С тех самых пор, как в крепость прибыл кавалерийский полк.

Толстак горячился. Он заявил, что если Советская власть не вернет ему Джаным, Шукрулла будет убит.

Разумеется, представители Советской власти встали на защиту женщины и ее права выбирать себе мужа. Да и симпатии были на стороне Шукрулла. Но обычай и прочие предрассудки... к ним следовало подходить осторожно. Кто же, надо вызвать обе стороны и выслушать, что скажет Шукрулла.

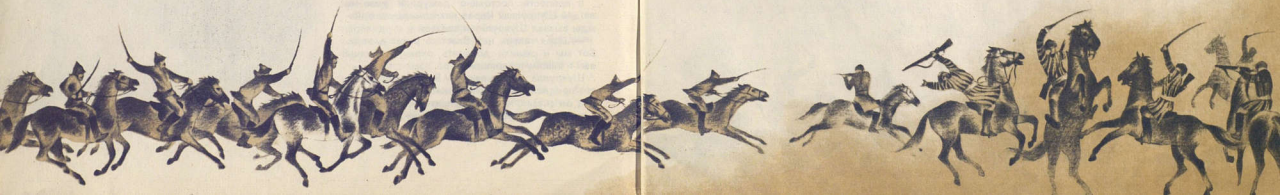
— Зачем выслушать? — вопил Файзулла. — Прикажи вернуть Джаным и наказывать Шукрулла. Так требуют законы аллаха.

— Советские законы, — сказал Матвеев, — требуют другого. Привезайте в крепость через два дня. Разберемся.

В назначенный день в крепость явились обе стороны. Файзулла пришел с четырьмя вооруженными джигитами. Следом за ним в сопровождении двух джигитов пришел и Шукрулла с кем-то, закутанным в темно-серую паранджу. Видно, это и была Джаным, из-за которой разгорелся спор.

На заседании Военного Совета соперников рассадил подальше друг от друга.

— Прежде чем начать разбор дела, — открыл заседание Матвеев, — Военный Совет

хочет знать, готовы ли вы исполнить все, что здесь будет решено?

Все трое кивнули. И даже поклялись, как того потребовал председатель.

ДЖАНЫМ ОТКРЫВАЕТ ЛИЦО

— Приступим, — объявил Николай Николаевич. — Чтобы суд был справедлив, предлагая человеку в парандже открыть лицо.

Минута была решающей. Слышно было, как в комнате жужжала муха. Но вот Шукрулла как бы очнулся и кивнул. Кивнул и Файзула. Муха, наконец, вылетела в форточку.

Тут же пальцы Джаным скрутили черную сетку чачвана вверх. Открылось юное, мило-видное личико с огромными темными глазами.

Матвеев дал слово Файзуле. Тот обвинил Шукрулла в нарушении всех законов аллаха и потребовал вернуть ему Джаным и строго наказать похитителя.

Тогда у него спросили:

— Это единственная у вас жена?

— Почему единственная? — испугался толстяк. — У меня есть еще одна.

— Зачем же вторая, если есть первая?

— Первая стара для меня, — вздохнул Файзула. — Ей уже за двадцать.

— Какой калым уплачен за Джаным?

— Жеребец, два верблюда, десять овец... — важно перечислял Файзула.

Допросили Шукрулла. Он рассказал, что знал Джаным еще в доме ее отца, и ждал совершеннолетия, чтобы жениться на ней, но Файзула сторговалась с отцом невесты.

Когда спросили женщину, кого она любит и с кем жить хочет, она быстро указала на Шукрулла.

Файзула было кинулся на своего соперника, но его ухватили и усадили на скамью.

СУД РЕШИЛ

Суд удалился на совещание. Через час объявили решение.

Поскольку Джаным, говорилось в нем, любила и любит Шукрулла, а Файзулу не любила никогда, и выдали ее замуж насильно, а также учитывая, что Шукрулла познакомился с Джаным еще до того, как она вышла замуж за

Файзулу, — считать ее брак с Файзулой расторгнутым, а брак с Шукруллой узаконить.

— Но, — продолжал комендант, — Файзула уплатил отцу Джаным калым, а она стала женой Шукруллы, следовательно Шукрулла должен вернуть Файзуле жеребца, двух верблюдов и десять овец с учетом бараньего приплода.

Потом Матвеев спросил: согласны ли они с приговором? Шукрулла кивнул и согласился, а Файзула, узнав, что вместе с жеребцом и верблюдами ему вернут не десять, а пятнадцать баранов, просиял и, щелкнув языком, воскликнул: «Согласен!»

Позже, когда Матвеев докладывал Командующему Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе о делах крепости, он упомянул и об этом процессе. Михаил Васильевич улыбнулся и одобрил действия Военного Совета.

И СЕЙЧАС В СТРОЮ

Затерянная на самом краю страны крепость Кушка перестала быть оторванной от жизни советского государства. Теперь все знали, что на южной границе тоже есть Советская власть. И ее представляет двадцатитрехлетний комендант Матвеев.

Прошло время, и Николай Николаевич Матвеев навсегда уехал из крепости.

В 1946 году подполковник Н. Н. Матвеев был демобилизован из рядов Советской Армии и поселился во Львове.

Однажды он получил письмо. «Крепость Кушка» было написано в обратном адресе.

«Дорогой Николай Николаевич!

Мы, офицеры, сержанты и солдаты — воины самого южного гарнизона нашей Родины — Кушки, сердечно поздравляем вас с вашим 75-летием! Мы помним вас, дорогой Николай Николаевич, первого советского коменданта Кушки, отдавшего лучшие свои годы укреплению завоеваний Великого Октября в Туркестане.

И мы, советские воины, с гордостью и честью будем продолжать правое дело, за которое боролись вы и ваши товарищи!..

С глубоким уважением к вам —

воины Кушкинского гарнизона».

Литературная обработка
Олега Охалкина

ИМЯ, КОТОРОЕ ОСТАЛОСЬ В ИСТОРИИ

О работе, о своей трудовой славе Герой Социалистического Труда шахтер Алексей Григорьевич Стаханов рассказывает сам.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА ШАХТЕ

Была у меня в детстве одна мечта — наестся досыта. Когда подросток — прибавилась еще одна, о своей лошади. Я жил в деревне, работал много, отдыхал только во сне, но от труда моего богател лишь кулак, я же и сестры (отец с матерью умерли) оставались бедняками. Поэтому в 1927 году я собрался в Донбасс, заработать шахтерским трудом на лошадь.

Помню, пришел впервые на шахту и увидел: четыре здоровенных, черных от угольной пыли мужика, изо всех сил упираясь, навалились на бревно, которым пытались зафиксировать лошадь в клеть.

— Может быть, не путь мне в шахту? — подумал. Гляди, Лешка, — сказал себе, — даже скотина неразумная и то вон как сопротивляется, а ты сам идишь. Как ни тяжело было в деревне, а все же работал на вольном воздухе, на солнышке.

Вскоре мы очутились под землей. Оглянешься назад — темно, как в могиле, под ногами хлюпает вода, местами лужи по колено.

Через каждые пять-десять минут лампа тухла оттого, что я еще не научился правильно ее держать. То и дело бегал к лампоносу менять лампу. Приходилось идти по штреку в кромешной тьме.

Первая упряжка (так в шахте называли смену) многому научила меня. К концу ее лампа перестала тухнуть и шишки перестал набивать. Напарник похвалил меня и сказал, что «дело будет».

РЕКОРД

В ту пору Донбасс начинал механизироваться. К нам на шахту привезли врубную машину, появились обтоенные молотки. Дали молоток и мне. А потом — курсы. Через четыре месяца мы с обтоенным молотком стали давать по 10 тонн

угля в смену, вместо прежних
пяти-шести.

Но я чувствовал, что это не предел. Ведь мой молоток работал каждую смену не более двух-трех часов. Остальное время я, забойщик, возился с креплением. А что, если бы я мог только рубить уголь всю смену, а крепить стали бы крепыльщики. Своей мыслью я поделился с начальником участка и парторгом шахты. Им она понравилась. Мы все обдумали сообща, и в ночную смену я уже работал по-новому.

Когда в ту ночь я спускался под землю, то и не подозревал, какой результат будет иметь мой рекорд. Уже через несколько часов после сообщения о рекорде наверху, в нарядной, собрался народ. Все хотели сейчас же услышать, как я добился такого успеха, хотели, чтобы я объяснил им свой метод.

— Никакого секрета в том, что я выполнил 14 норм, нет, — начал я, — это может сделать каждый опытный забойщик, если будет заниматься только своим делом.

— Верно! — раздались голо-

Когда я кончил говорить, в нарядной поднялась буря. Все кричали, требовали, чтобы их пустили на рекорд, предлагали, как лучше организовать труд.

В ПОЛНЫЙ РОСТ

ОТРЫОК ИЗ ПОЭМЫ

Евг. Егущенко

Пастухи и мотористы
у костров просияли: «Спой!»
Их отцовство, материнство
воспитало подвиг твой.

Есть ли в подвиге случайность?
Утверждаю правоту,
где отчаянье — в отчаянность
вырастает на лету.

Где полет — не все равно ли! —
и в небе с верным «ястребком»,
или в страшном белом поле
на врага полет полком.
И гагаринское дество
ты от имени сирот
заслони,
вставай дерзко
в полный рост,
а мы — в кусты!
Как Матросов, жить непростю,
и в жите-быте своем
часто мы встаем вполроста
и вполголоса поем.
Мы не празднем ли труса,
если бой,
а мы — в кусты?
Это как-то не по-русски
и вообще не по-мужски.
Если шевсть —
так в полный колос,
если взмывать —
так выше звезд,
если петь —
так в полный голос,
если аствовать —
так в полный рост!

Рисунок И. Кушова

22 февраля 1943 года в бою за деревню Чернушки у реки Ловать, в районе города Лопки, Александр Матросов проявился и вражескому дасту, закрыв своим телом амбразуру, пожертвовал собой и тем обеспечил успех наступавшего подразделения.

Саша, ты любил до дрожи
под метельным переходом
встать, в руках сжимая вожжи,
в полный рост,

а полный рост!
Снега рыжего охапка
под ногами хороша,
и не зябло

если шапка
отлетела, как душа.
Сани взымали, не слезая.
Полушубок ветром сжат,
и полозья
на морозе
упоительно визжат.
Лес шатается в угаре.
Каждый ствол сулит снык.
Словно в космосе Гагарин,
мчит Матросов на саянах.
Из чего же ты,

Матросов,
сделан,
слеплен,
сварен, сбит?

А из русского мороза,
из того, как снег слепит,
из полыни, повилики,
из гармошек вдоль села,
из улыбок поварихи,
той, что лишку подлила,
из детдомовских, но песен,
из босых, но трубочей —
ведь никто тебе со спесью
не сказал; что ты — ничей.

После сообщения в «Правде» о моем рекорде заговорили многие. Результаты работы записаны не только от силы и ловкости одного человека. Ведь если работать сообща и подвигать, группа людей, то еще большие результаты записаны от того, как этих людей расставишь, от того, помогут ли они вовремя друг другу или каждый работает сам по себе. Это поняли не только шахтеры. Это поняли рабочие людей многих специальностей. Вот тут-то я и почувствовал, что начинаются серьезные дела.

250 процентов нормы, 640, 900... — такими цифрами запестрели газеты. Шахтер Никита Изотов, машинист паровоза Петр Кривонос, скороходский обувщик Николай Сметанин, вычугские ткачки Дуся и Маруся Виноградовы, тысячи лучших людей страны — сталевары, мотористы, летчики становились стахановцами.

Мне даже удивительно было: друг с другом мы не сговаривались, не встречались, люди все разные, из разных мест и профессий, а почти одновременно ставили большие рекорды.

К тому времени я заработал много денег, хватало бы и на лошадь, но из шахты уходить я уже не хотел. Это верно, профессия себе выбрал не по любви, а с чего началась моя любовь? С привычки делать свое дело добросовестно, с душой.

Меня никто не учил, когда я пришел в шахту, а старые забойщики, видя мои старания, даже пошмеивались: ишь, притыкий какой. В первые дни я просиживал в забое по десять часов и научился все-таки работать. Теперь новичку легче: его обучают, и при желании он может быстро освоить профессию.

Когда я устанавливал свой рекорд, то весь наш «научный расчет» был в сноровке и силе забойщика да в его отбойном молотке. А когда Саша Сиккин, шахтер из Красного Туча (есть такой город в Донбассе), татурал времени Ленинского комсомола, недавно шел со своей бригадой на рекорд, то он за месяц до этого для высчитал на электронно-счетной машине каждый шаг операции.

ЧТО Я ЛЮБИЛ В ЖИЗНИ

А вот что. Если трудиться — то до седьмого пота, если уставать — то до ломоты в костях. Любил свою семью (у меня четверо детей), любил хорошо поесть и с друзьями посидеть за праздничным столом, любил чувствовать уверенность в себе, знать, как поговорить, себе ну, свой вес в обществе. Больше всего в жизни ценил я труд, — он приносит радость и верную дружбу. Все это у меня было, значит, был я счастлив. Впрочем, в прошедшем времени я зря говорю: все это я и сейчас и ценю, и имею. Несмотря на свой пенсионный возраст, еще работаю горным инженером на шахте № 2-43 доленского города Тореза.

Беседу записала А. Пудачева

ОДИН ГОД ИЗ ЖИЗНИ ГАЙДАРА

А. П. Гайдар в годы работы в редакции «Воля»

«САИДА» СИДИТ НА РИФЕ СЕРЕДИНОЙ. ПРОИЗВЕДЕНИЕ ОТГРУЗКОЕ ВО ИЗЪЕЖЕНИЕ ПЕРЕЛОМА ПРИПОДНЯТ КОРМА УСТАНОВЛЕННЫ ДВЕ МОЩНЫЕ ПОМПЫ ДЛЯ ОТКАЧКИ ВОДЫ ИЗ МАШИННОГО ОТДЕЛЕНИЯ. ВОДОЛАЗАМИ ОБСЛЕДОВАН ПРАВЫЙ БОРТ, НАИБОЛЕЕ ПОВРЕЖДЕННЫЙ. НОЧЬЮ ОТГРУЖАЕТСЯ БУНКЕР (СЕРЕДИНА). РАБОТАЮТ ПАРОХОДЫ «КИЯ», «СОВНАРКОМ». «МАЛЫГИН» НАГОТОВЕ С ЗАВЕДЕННЫМ БУКСИРОМ. ЕСЛИ НЕ ПОВТОРИТСЯ ВЧЕРАШНИЙ ШТОРМ, СИЛЬНО УЖИВШИЙСЯ ПОЛОЖЕНИЕ, ЗАВТРА ПОПЫТАЮТСЯ СНЯТЬ «САИДУ».

Радиограмма эта была послана с борта французского лесовоза «Саида», загнанного свирепым беоморским штормом на рифы, и пришла 13 ноября 1929 года в редакцию архангельской краевой газеты «Воля».

А еще через несколько часов откуда же прибыла и вторая радиограмма: «ПОБЕДА! «САИДА» СНЯТА».

И подпись: «МАТРОС ГАЙДАР». Да, да, не удивляйтесь — тот самый Аркадий Петрович Гайдар, книги которого вы все знаете и любите.

Конечно, Гайдар не был матросом. В то время он работал корреспондентом архангельской газеты. Но в этой несколько горделиво-шутливой подписи виден весь Гайдар. Где бы он ни был, какое бы задание редакции ни выполнял — он не мог быть посторонним наблюдателем, всегда был на переднем крае.

Вот что вспоминал близкий друг Аркадия Петровича, известный детский писатель Р. Фераман: «Идет лесослав, очень важное дело Севера. И не только для Севера, а для всего социалистического строительства».

Гайдар получает от газеты задание — дать очерк о лесославе. Он приходит домой. Маленький Тимур развлекает его: он еще совсем крохотный, ему только три года. Играя

с ним, Гайдар обдумывает тему. Но пора обедать, его зовут к столу.

Гайдар на минуту выходит из дому, чтобы купить к мясу соевых огурцов, и возвращается через... три недели. Но зато приносит домой совершенно блестящий очерк о вседневном слове леса.

Оказывается, на базаре он встретил артель плотавщиков, уехал их рассказами и пошел вместе с ними на пристань. Они должны были на пароходе отправиться вверх по реке на сплавные работы. Неожиданно Гайдар просит их принять его к себе в артель. Они соглашаются, и Гайдар уезжает с ними на пароходе.

Как простые лесорубы и сплавщики, нанятые по контракту с «Северлесом», работает Гайдар на плоту, багром собирает бревна, варит пищу на берегу, участвует в артельных делах. По вечерам его, как и всех, едят комары, по ночам мучит холод. Но зато предмет своего очерка он знает лучше, чем кто-нибудь другой. Зимой и летом, весной и осенью, в жару и непогоду, то пешком, то на попутных санях или телегах пробирается Гайдар в самые «медвежьи» уголки далекого Северного края.

То были трудные и героические годы — годы Первой Пятилетки. Как верный солдат Партии он шел туда, где труднее, где его острее всего было необходимо. Очерки, статьи, корреспонденции, фельетоны всегда были в самую цель.

Немногом более года — с конца 1928-го по февраль 1930-го — проработал А. П. Гайдар в архангельской газете «Воля» (теперь «Правда Севера»). Но зато какой это был насыщенный год!

Сейчас уже немного осталось в Архангельске людей, знавших Гайдара лично. Но с одним из тех, кто работал с Аркадием Петровичем в газете, мне этим летом повстречалось познакомиться. Это — Калестин Степанович Коробицын — старейший фотокорреспондент архангельских газет. Кстати, это он любезно предоставил «Костру» фотографии, которые вы видите в этом номере.

— Много лет прошло, — задум-

чиво говорит Калестин Степанович, — но как живой стоит передо мною Аркадий Гайдар. Молодой — ему тогда только 25 лет было, веселый, открытый, энергичный, трудолюбивый, со своей неизменной трубочкой в углу рта. Вокруг него всегда все так и кипело. Смех, шутки, серьезные споры, обсуждение написанного. До всего у него руки доходили. Он даже стихи писал, драматизмы. То его в дожде с ребятами на Двине увидишь, то он на воскресенье по силотке леса по пояс в ледяной воде, то на заводе организует литературный кружок.

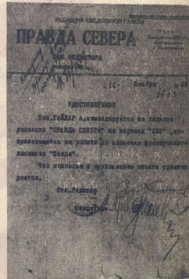
В нынешнем Архангельске — большом современном промышленном и портовом городе берегут память о замечательном журналисте и писателе Аркадии Гайдаре. Его имя носит улица города и областная детская библиотека. На доме, где он жил, установлена мемориальная доска.

Память о большом друге детей Аркадии Гайдаре живет и в делах архангельской пионерии.

На первом этаже Архангельского Дворца пионеров есть комната, в которой все обстановку напоминает о Гайдаре. Здесь помещается АГПИШ — Архангельский городской штаб школьников имени Аркадия Гайдара. Когда ребята доказали, что они могут делать настоящие полезные дела и делать их по-боевому, с огоньком, словом, по-гайдаровски, по-тимуровски, штабу было присвоено имя Гайдара.

При Штабе есть поисковая гайдаровская группа. Ребята ездят в экспедиции по местам гайдаровских командировок, разыскивая людей, знавших Аркадия Петровича лично, встречаются и переписываются с его родными и близкими. Участвовали они в Гайдаровском слете на родине писателя в Арам-массе, ездили в город Пермь, где до Архангельска три года работал в газете Аркадий Петрович. И каждый год ребята, заслужившие это право своей работой в Штабе, едут в город Канев на могилу писателя и везут туда букеты северных ромашек.

В. Орлов
Архангельск — Ленинград

Наш корреспондент побывал в Артеке на I Всесоюзном слете тинуровцев. Вот что рассказал ему делегаты слета.

Олег Орлов из Архангельска: Во время слета я выступал на конференции «тинуровцы 70-х годов». Я рассказывал, как работает наш городской штаб Тинура. Потом мне задали вопрос: «Есть ли в Архангельске ребята, похожие на Кавыну?» Я говорю: «К сожалению, есть. Приходится встречаться с «кавынцами». В парке, на котором мы шедеврами, находятся аттракцион «Кавынский колесо». Так вот кавынцы там без очереди лезут. Боят, кто послабее, растолкают и катаются сами. А мне из зала снова вопрос: «Но будете делать, если дотрется ползути?» Я говорю: «Тот Я лично боком занимаюсь, да и товарищи не подведут».

Вова Зыкин из Кировской области: У нас в деревне буржуйно есть ребята тинуровцы. Один раз зимой мы узнали, что колхозным коровам витаминов не хватает, и решили провести операцию «Зеленая лапка». В первое же воскресенье поднялись чуть не со вторыми пухами, одели теплые, хорошие валенки — и в товарищи не подведут.

Юнкору! Собирайтесь вокруг большого барабана! Ждем ваших откликов!

Сентек ЕЛИКОВ

(Смотри письмо Тани Ветровой — «Барабан» № 1)

Мы с Володей друзья книги. Помогают библиотекарше Ванде Григорьевне. По ее просьбе проводим в классе опрос. Вот что получи-

В О К Р У Г БОЛЬШОГО БАРАБАНА

было или будет. Мама говорит, что я много читаю и запрещает мне. А сколько книг можно прочитать за год в моем возрасте? Мне скоро 14 лет. И вот еще чего я не могу понять: когда автор пишет фантастический рассказ, то он все выдумывает или это есть хоть доля правды?

Надя Тамарова, Горьковская область

Есть у моего папы брат — дядя Миша. Дядя Миша мой самый лучший друг. Погуляю с ним давно, когда был еще совсем маленьким. Боялся в тогдa казoго-то болевенькo и щелчкoм дядини нoгo нe хoтел эст. Измучилсo сo мной рoдитeлeй и рeшeниe: oтпpавилeн eгo к дядe Мишe.

Приехали мы к нему, а он говорит: «Вещи не забудь, ты же пришел». Лиса сказала. Она тебе гостинцев принесла. Вот, угодилась.

Я опечален, за себя: «И есть не хочу, и скажам про лису не верю, пока живую не принесешь».

Дядя Миша ничего не ответил и ушел в лес. На следующий день просыпаюсь, слышу, половицы поскрипывают. Открыл глаза — чудно! Стоит дядя Миша и дергает в руках живую лису. «Получай подарок, соня!»

Я от счастья сразу же и о болезнях забыл. А скоро и совсем поправился. Потом принес он как-то на лису большого мышонка. Поставил в углы, умильшаясь пошел. Смотрю — мышонко шевелится. Вдруг вылез из мышиной норы — и мимо меня — к двери! Я как закричу от страха. А дядя Миша: «Не кричи, всех зверей переупряжит».

С тех пор, как кинувшись наступил, и дядя Миша еду. Он охотником работает. Мы вместе и на охоту и на рыбалку ходим. Однажды повисли со мной. Видны, клопоноги. Начали тащить, а ласка в корягах запуталась. Дядя Миша зашел в речку, отгнет и кричит: «Клен! Я потонул. Тут на воды огромная глыба высушеная и не меня поспасит, а потом как дернет! Я вместе с удачной — воду. И потопил меня по реке сом, как на буксире. Но дядя Миша больше догнал меня и вытаскил вместе с сомом на берег. «Видно, — смеется, — в жизни всякое бывает».

Силы у дяди Миши на дестятеры хватит. Наверно, потому инту в нашем районе не боксер-разрядник. После одного случая. А было так. Приехал в поселок боксер-разрядник. Решил устроить с местными показные бои. Вышел против него дядя Миша, ступил раз — тот и упал. Когда пришел в себя — говорит: «За того боксерашний удар разрешите вам допустить?»

Андрей Боровских, 7 класс, Амурская область

Лес. Нашли в лесу свежую делянку. Одна лапка еловые рубит, другие на до дороге носят. За несколько часов целую гору еловых лапок. А потом еловые лапки привезли на ферму, сложили в муку, перемешали с комбикормом. Дворняг кормили, что наши витаминные буренки очень понравились.

Лена Асвешев из Ленинграда: Наш слет проходил три дня. Но если о нем подробно рассказывать, то и трех дней не хватит. Особенно мне запомнился конкурс на лучший проект папки Тинура и его команды. Вместе с Женей Манюковым и Витей Журавлевым я защищала на конкурсе проект нашего отряда. На первый взгляд все просто. На доску вывешивается рисунок папки Тинура и надо объяснить членам жюри, почему мы предлагаем именно такое решение. Но, как все всегда, все просто только со стороны. Чем ближе наша очередь, тем больше мы волнуемся. Наконец выходим на сцену. Сидим, как положено, называем свои имена и фамилии. И тут — в зал хохот. Что такое? Оказывается, Женя Манюков от волнения свое имя перепутал! Сергеем назвался!.. Первого места мы, правда, не заняли, но все равно было интересно.

Эльмира Абдрахманова из Узбекистана: Рядом с нашей школой живет бабушка Шура. У бабушки Шуры есть и сыновья, и внуки на фронте. Живет она одна. Сидит с ирышью сбросит никому. Грядет весной времена не вкопаны. Курсы прямо по огороду гуляют. А когда мы организовали тинуровскую команду, все стало иначе. Только с курями далеко не можно управиться. Не было у бабушки Шуры настоящего тинуровца. А теперь есть! Мы его сами сделали. Дене не вернется. А все нас командир Тоня. Она и глинтвейн и чернички делает научила, а стены клася.

лос. В классе 38 учеников, а дома у ребят 40 теликов! Вы спросите, как же так? А вот как. У двоих учеников по два телика. В одной комнате смотрят одну программу, а в другой — другую. Но это еще не все. Оказалось, что в библиотеку записано только 22 человека. За месяц по две книги прочли 6 человек, по 1 книге 10 человек, а остальные совсем не читали ничего, кроме учебников. Ванда Григорьевна сказала, что мы теливники и что это улодок. А кое-кто у нас считает — смотри телевизор и будешь умный. Мы с Володей, конечно, так не считаем.

Денис А. и Володя К. Ленинград

Сколько можно теликов?

В каждый фантастический рассказ я верю, что это

А ВЫ ЗА КОГО: ЗА ТЕЛЕВИЧКОВ ИЛИ ЗА КНИГОЕДОВ?

МУЗЫКА И МУЗЫКИ

Я хочу тебе рассказать, Барабан, о своем классе. В моем классе нет дружбы между мальчиками и девочками. Это очень обидно. Мы зовем друг друга по кличкам. Например, Музык, Тузик и так далее. Просто смешно. И что удивительно, если мальчик назовет девочку по имени, так это просто открытие. Все подшучивают.

Гала Д. Вазуки Белороссийской области

СЛУШАЙТЕ ВСЕ!

БАРАБАН получил письмо от ленинградки Людмилы Анатольевны Комаровой: «Летом я

пошла с маленькой дочкой купаться на Оредеж. Оставив дочку на берегу, я вошла в воду и неожиданно попала в глубокую яму. Захлебнувшись, потеряла сознание. Спас меня пионер Юра Рулев. Он долго нырял, нашел меня в две реки и вытащил на берег.»

Ученику 7-го класса 170-й школы Юре Рулеву — наш салют!!!

Резникова Г. Кузнецкая

Зовутся
Старичка

Дорогая редакция, жаль, что у вас в журнале нет такой старички, чтобы каждый мог написать о самой дорогой и заветной. О природе, о родных местах, о своих чувствах... Я люблю писать такие маленькие рассказы, пишу про небо, море, пишу обо всем. У меня уже собралась целая папка. Я их еще никому не показывала, но иногда хочется, чтобы кто-нибудь их прочел. Интересно, понравятся ли они совсем незнакомым людям или останутся ли равнодушными. Писала вам свой рассказ «Море».

Татья Никитова, 7 класс, Симбирск

ХОРОШЕЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ТАНИ ПРИНИМАЕМ ЕГО И НАЧНЕМ С ТВОЕГО РАССКАЗА.

МОРЕ

Иду я со своим братом к морю в шторм. Я глаз не могу оторвать от моря, не хочется говорить — такое оно грозное, холодное, столько ин-пищей, бурлящей воды... Понимаешь, почему в древности люди поклонялись морю. Они не просто благодарили его за хороший улов, нет, они поклонялись самому морю, этой бушующей массе воды, разнуздав, безумно бьющейся о каменистые берега. Прихожу домой. Я жму, не хочется нарушать прекрасной картины, которая осталась в памяти. А брат говорит: «Море — то! Холодает у кам-ни — здорово! А волны, катер накро-ют — буль-буль — и нету!».

Татья Никитова

Объясните, пожалуйста, что такое акселерация.

Гена Самохин, Новосибирск

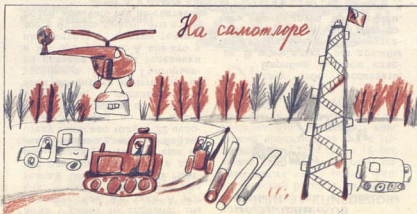

Почтарик! А кто изобрел велосипед!

Дания Южик, Владивосток

Дорогой Дания, в 1801 году русский рабочий, крепостной Е. М. Артамонов, приехал с Урала в Москву на «самолет» собственной конструкции. Артамонов проделал путь более 1000 километров. За это изобретение он и его потомки были освобождены от крепостной зависимости. Самолет Артамонова имел педальный привод на переднее колесо и был первым в истории настоящим велосипедом.

Я вдруг почему-то подумал: а ведь Пушкину в 1801 году было всего два года...

НА САМОЛЕТЕ Володя Zubanin, 12 лет.

Нижегородское
Тюменской обл.

ДЕСЯТЬ
ШАГОВ

Солдат веди на расстрел.
Десять шагов на раздумье.
Шаг первый —
Небо голубое,
Солнце светит,
Хочется без конца смотреть...
Шаг второй —
...Может, сказать?
Жизнь спасти и предать своих
Нет, никогда, никогда,
никогда, никогда,
Третий, четвертый, пятый,
шестой...

Шаг седьмой —
Вспомнил мать и отца
И твердо решил
стоять до конца.

Шаг восьмой —
Прощайте, леса и поля,
Шаг девятый —
Прощайте, звезды Кремля.
Последний, десятый...
Прощай, солдат,
Мы тебя не забудем.

Фариза Эрзаева,
3 отряд дружины «Капариская»,
Артек

При Петре I в русской армии были барабаны, похожие на те-перешние, только гораздо выше. На барабан наделались обручи, и

Из ответов на уроках
и школьных сочинений

На сто четвертый день
плавления Колумб с большим
трудом открыл Америку.

Писала С. Жук

Торричелли первым обна-
ружил пустоту и закричал:
«Эврика!»

Писала Вера М.

Тело змеи состоит из хвоста.

Писала Костя Иванов

ЛУЧЕ
ДЕКА
РЕВЕТЬ

После экзамена мы про-
вели экскурсию по берегу
реки и по другой стороне
берега...

Писала П. В.

В стихотворении «Дед Ма-
зай и зайцы» Некрасов опи-
сывает охоту без ружья.

Писала Витя Карманов

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОТА-КАРАКОТА

1. На перемене экстренный
сбор. Все говорят: «Позори-
влю у друзей мамки, остави-
ли за шпаргалки. Последним
выступил Каракот, и» — гово-
рит, — честный кот, Фола и
Брема втянули в машинию,
обидели всю кошачью индустрию...

2. Атакс. Сдвинула бровь
строгие, вводит учи-
тельница зоологов.

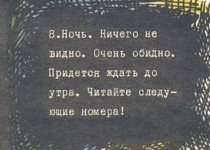
3. «Уберка с парт предметы
лишние! Тема урока — звери хищ-
ные. Повзди, места обитания, об-
раз жизни, питание, а также стро-
ение черепа и хвоста... Рассмотр-
им чучело домашнего кота...»

5. Не прочел Каракот
табличку на двери...

6. Расстроил директор: «Вот сраму-
то... Опять объявил почетную грамо-
ту!».

8. Ночь. Ничего не
видно. Очень обидно.
Придется ждать до
утра. Читайте слоуд-
ные номера!

К ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПИСАТЕЛЯ

ВИТАЛИЯ
БИАНКИ

„ДЕТЯМ — ДОБРОЕ“

Только став взрослым, поймешь в полной мере, как важно встретить в детстве хорошего человека. Взрослого хорошего человека. Для меня таким человеком стал Виталий Валентинович Бианки. Он никогда и никого не поучал. Наверное потому у него легко было учиться. Он никому и никогда не навязывал свою точку зрения на вещи и события. Но уже одно то, что у него была СВОЯ точка зрения, заставляло прислушиваться к его мнению. Больше всего он не любил ПОПУГАЕВ, умеющих повторять только чужие слова.

Виталий Валентинович был уверен, что каждый писатель должен писать только о том, что он знает лучше всего и что волнует его больше всего. Только тогда он сможет быть полезным читателю. Сам он

лучше всего знал природу. А волновала она его потому, что человек не может прожить без природы. Природа нас кормит и одевает, лечит и радует. А еще загадывает загадки. Виталий Валентинович очень любил разгадывать загадки леса. Только разгадывал он их не как ученый, а как художник.

Жизнь без загадок скучна. Ученый разгадает загадку, разрушит тайну, и жизнь на чуть-чуть станет скучнее. Разгадает художник — и всколыхнет чувства, растрогает душу. Наверное потому, что у художника главное не загадка, а то напряжение и волнение, которые он пережил, разгадывая ее. Мы читаем и СОЧУВСТВУЕМ с ним.

«...Весь огромный мир кругом меня, надо мной и предо мной полон неизведанных тайн. И я их буду открывать всю жизнь, потому что это самое интересное, самое увлекательное занятие в мире!» — писал он.

Виталий Валентинович не считал человека царем природы, а считал сыном ее. Природу надо не покорять, а узнавать. Мы связаны с природой тысячами видимых и невидимых нитей.

Мы кровные братья всему живому. Помните его чудесную новеллу «Кровинка»?

Сел комар человеку на нос — напился человеческой крови. А потом опустился на росянку и прилип к ее клейкому листу. Росянка-мухоедка высосала комара. А росянку слизень сглодал, слизня лягушка слизнула, лягушку уж проглотил, а ужа аист поймал. Пошла человеческая кровинка по кругу. Так весь живой мир стал человеку кровной родней.

Есть авторы, которых не читают даже при их жизни. Есть такие, книги которых умирают в один день с автором. Но вот уже пятьдесят лет дети и взрослые читают книги Бианки. Полвека! А интерес к ним все растет. Книги живут и работают. А с ними живет и работает Виталий Валентинович Бианки.

Н. Сладков

ГВОЗДЬ

Сижу в столовой в квартире Бианки на Васильевском острове и слушаю, как Виталий Валентинович расправляется с еще одним молодым автором, пришедшим раньше меня. Дверь в кабинет полуоткрыта, и до меня доносятся два голоса: обиженный, настойчивый — Виталия Валентиновича и сбивчивый, неуверенный — автора.

Виталий Валентинович Бианки с юными натуралистами

В столовой — никого. Над окном переливчато посвистывает в клетке лимонный кенар, под потолком подрагивает висящее на нитке чучелко — летучая мышь.

— Ну, а что вы умеете? — во второй раз спрашивает Бианки. — Гвоздь, например, вбить можете?

— М.могу, — мнется его собеседник.

— С одного удара?

— Смотря какой гвоздь, — спрашивает пытаемый.

Я сам не очень в ладу с гвоздями и начинаю беспокоиться из-за стула. В руках у меня написанная во время плавания на Тихом океане, свернутая в трубочку сказка про рыбу камбалу.

— Ничего вы не умеете, — вздыхает Виталий Валентинович. — И на необитаемом острове бы пропали. А вот был такой писатель — Боря Житков — так тот гвозди вколачивал — залюбуешься. Сам яхты строил. Четырнадцать профессий знал. Вот его читать — удовольствие.

— Я на бильярде играю, — хватается за последнюю соломинку гость.

— На бильярде? Тогда вот что...

Они прощаются. Виталий Валентинович выводит автора, — им оказывается здоровенный, косая сажень в плечах, парень, — приглашает меня.

Кабинетик узенький, стол — наискосок. За окном — стена гаража и низкое осеннее небо.

— Интересный человек, — шепотом говорит Виталий Валентинович и показывает пальцем на дверь, за которой водится, собирая бумаги в портфель, парень. — Мастер спорта! Сказал ему — написать рассказ про бильярд. Сложнейшая игра!

Он, довольный, кивает и, напустив на доброе полное лицо суровость, добавляет:

— Что принесли? Показывайте!

С. Сахарнов

ЭТО БЫЛО ДАВНО, А КАЖЕТСЯ, СОВСЕМ НЕДАВНО

В памяти моей отчетливо встают картины нашего совместного путешествия с Виталием Валентиновичем Бианки на Ямал.

Далекое, невозвратное время, как ты дорого для меня.

Мы плыли на пароходе вниз по Тоболу, по Иртышу и Оби к Карскому морю.

Перед нами бесконечно менялась панорама берегов. С волнением, не отрываясь от binokley, мы наблюдали царство непуганых птиц.

По отмелям перебежали кулики, чайки с криком провожали наш пароход, из травы то и дело вылетали табунчики уток. Как много я узнал от Виталия Валентиновича о голосах птиц, об их жизни... Ведь Бианки в свое время окончил университет и готовился быть орнитологом, как и его отец.

Иногда пароход причаливал к берегу, и матросы по сходням катали на тачках дрова, запасая топливо. Тогда мы — на дватри свободных часа — спешили с ружьями на берег. Из травы и кустарника взлетали птицы, и мы начинали стрельбу. Виталий

Валентинович был великолепным стрелком, я же, признаться, в то время безбожно мазал, причиной тому был мой охотничий азарт. Виталий Валентинович добродушно посмеивался над моими промахами и учил меня охотничьей науке.

Во время нашей поездки я много рисовал. Виталий Валентинович вел подробный дневник. Его интересовало все, он записывал надписи на пароходных каютах, фамилии матросов...

Записная книжка для писателя то же, что для нас, художников, альбом. Со временем эти беглые, несовершенные наброски окажут неоценимую услугу...

Не один десяток лет продолжалась моя дружба с Виталием Валентиновичем Бианки.

Он был человеком удивительно чистой души, был беззаветно предан искусству.

Он любил людей, вокруг него всегда было много молодежи, и он щедро делился знаниями с многочисленными своими учениками.

В. Курдов

Рисунки из путевого альбома художника В. Курдова

Рисунки А. Слепкова

ПАВЕЛ МАКАРОВ

АДЪЮТАНТ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Геннадий Черкашин

ОТ РЕДАКЦИИ

ПОБЕГ ИЗ КРЕПОСТИ

Все вы, наверное, видели многосерийный телевизионный фильм «Адъютант его превосходительства».

Фильм заканчивается арестом капитана Кольцова. В тюрьму, для последнего разговора с бывшим своим адъютантом, приходит командующий белой «Добровольческой армией» генерал Ковалевский. Утром Кольцова должны отправить в Севастопольскую крепость, там судить и расстрелять...

Погиб ли Кольцов? Вы узнаете об этом, прочитав документальную повесть Геннадия Черкашина.

Только сначала надо сказать, что подлинная фамилия адъютанта — не Кольцов, а Макаров. Кстати, и командующего «Добровольческой армией» звали не Ковалевским, а Май-Маевским.

АРЕСТ

Его арестовали в Севастополе, в гостинице Киста, в номере генерала Владимира Зеноновича Май-Маевского. Ординарец генерала Франчук набросил ему на плечи шинель. Вдоль коридора и вдоль лестницы стояли с винтовками конкеры. На площади перед гостиницей группами толпились вооруженные офицеры, от памятника Нахичеву и стен морского офицерского собрания угрожающе смотрели пулеметы.

Он оглянулся. Трое стояли слева, трое справа и четверо сзади.

— Не оглядываться! — крикнул старший.

Его повели в морскую контрразведку на Корниловскую набережную. Он шел и слышал: «Вечерний выпуск... Раскрытие подпольного комитета большевиков! Важное событие! Вечерний выпуск. Председатель подпольного комитета Макаров арестован вместе со всеми комитетчиками. Покупайте вечерний выпуск газеты «Юг!»

Теперь он знал, почему его арестовали: председатель подпольного комитета Макаров был его старшим братом.

БРАТ

В Севастополе, на кладбище Коммунаров, стоит памятник подпольщикам, жертвам белого террора. Первым в списке значится Владимир Васильевич Макаров.

На Батумской улице можно найти дом, где он жил со своей женой. Здесь в это неспокойное время у них родился сын Николай, которому суждено было 22 января 1919 года потерять своего отца.

Подпольщиков пытали в течение суток. Жгли раскаленным железом, кляли под мышки горячие яйца, выворачивали конечности, кололи иголками. Все девятеро молчали, смотрели презрительно в глаза палачам. На их «дело» кто-то начертал резолюцию: «Надменно державшимися пощады быть не может».

После пыток их расстреляли.

Теперь от крепости сохранилась только стена на крутом склоне холма между улицами Щербака и Частника. Толстая каменная стена с узкими амбразурами. Но еще двадцать пять лет тому назад эта стена продолжалась чуть ли не до Карантинной бухты, и мальчишки первых послевоенных лет помнят крепостные башни, разрушенные взрывами мощных бомб и снарядов. Потом эти башни снесли, на территории крепости построили бетонный завод и жилые дома. Однако в зарослях бурьяна и волчьих ягод все еще можно натолкнуться на вход в подземный каземат, откуда всегда веет сыростью и ледяным холодом.

Макарова поместили в тот самый каземат, где держали смертников. Иллюзий не было. В том, что Владимир ничего не сказал палачам, он был уверен. Он знал, как Владимир предан делу революции. Почти весь последний год они работали вместе: один адъютантом, другой ординарцем командующей армией. Начальник контрразведки князь Туманов уже наперед узнал от Май-Маевского, что Владимир рекомендовал ему собственного адъютанта. Контрразведка никогда не простит ему этого, даже если не найдет ули, подтверждающих, что он разведчик красных. Иллюзий не было...

На допросах он продолжал играть роль несправедливо заподозренного и оскорбленного офицера. «Нужно собрать воедино всю силу ума, мускулов, самоблагодария. Собирать и действовать!» — твердил он сам себе.

Утром, во время прогулки, он сообщил другим заключенным свой план побега.

— Это безумие, — простуженно прохрипел кто-то. — Нас перестреляют, как куропаток. В караульном наряде сорок человек! Нет, такой план неприемлем!

— Что же лучше: ждать, когда перестреляют, как куропаток, или умереть в схватке? — сдерживая себя, спросил он.

Многие люди даже в самой безнадежной ситуации живут надеждой, что смерть минует их, что произойдет чудо. А нужно действовать смело и решительно, нужно рисковать, рисковать даже тогда, когда реальные шансы на удачный исход очень малы. Он думал об этом в тот момент, когда Воробьев, старый товарищ, с которым он встретился в каземате, сообщил, что на побег решились только шестеро. Шестеро из пятидесяти трех — вероятно!

— Все равно, другого исхода нет, — сказал он Воробьеву. — Будьте готовы!

По сигналу он вышел в коридор с миской в руках и огляделся. Вооруженных часовых — двое, остальные в караульном помещении. Караульное помещение миновать невозможно, а там сорок вооруженных конкеров. Он покосился в конец очереди. Шестерка стояла монолитной группой. Ждала.

— Эй! — крикнул он часовому. — Позовите ко мне караульного начальника по очень важному делу!

Часовой окликнул разводящего, разводящий пригласил поручика.

— Поручик, у меня есть важное государственное сообщение.

— Говорите, я вас слушаю.
— В присутствии этих? — он кивнул на толпу заключенных. — Зайдемте в камеру.

Галантно, как это полагается личному адъютанту его превосходительства генерал-лейтенанта Май-Маевского, он пропустил поручика вперед, улыбнулся, наклонив голову.

— Поручик, одну минутку! Подождите минутку, я принесу вам кое-что...

С этими словами он вышел в коридор, мгновенно закрыл за собой дверь и задвинул засов. Поджидавшие его товарищи вмиг обезоружили часовых. Предстояло самое трудное — прорваться сквозь караульное помещение.

Они ворвались в него в тот момент, когда послышалась пальба — это стрелял в дверь камеры поручик.

— Бросай оружие! Руки вверх!

Он крикнул это, и кто-то выстрелил рядом; растерянные, перепуганные стражники подняли руки. Не давая им опомниться, он сорвал телефон.

— Вперед!

Стреляя на ходу, они бросились к внешним воротам, готовые схватиться с часовыми, но те, услышав выстрелы, попрятались.

Через минуту беглецов поглотила вьюжная январская ночь.

НОРД-ОСТ

Дул норд-ост, студёный ветер из-за Перекопа. Из тех кривей, где в неслыханной сечи столкнулись две России: белая и красная. Глубокого тыла не было и быть не могло: в тылу у красных действовало белое подполье, в

тылу у белых — красное. Казалось бы, что значат в этой титанической борьбе миллионов несколько отдельных человеческих судеб?.. Казалось бы, что могут сделать, как повлиять на исход этой борьбы семеро беглецов, которые плутали в степи, потеряв из-за метели всякие ориентиры!..

Кидался норд-ост колкой белой крупой, словно дробью ранил лица. Шли они по стерне прошлогодних трав, присыпанных снегом, двое босых, остальные кто в чем, теряли последние силы, чтоб согреться, ложились в кучу и прижимались друг к другу, твердили, клацая зубами: «Лучше вот так замерзнуть, чем без борьбы... как куропаток...» А над степью завывал ветер, вселял в души смертельную тоску.

Но вот послышался собачий лай. Встали. Слабых подхватили под руки. Пошли на звуки. И наткнулись на деревушку. Стукнули в окно, в дверь.

— Кто там! — голос робкий, старческий.

— Откройте, заблудились!

Ставень отворился, за ставнем желтое пятно от керосиновой лампы, седая борода и глаза, вглядывающиеся в темноту. Глаза увидели капитанские погоны, и рука на дверь махнула, приглашая.

Только вошли в дом, сразу на пол рухнули. «О господи!» — старик перекрестился, головой покачал, достал хлеба, крынку молока.

— Отец, какая это деревня?

— Карань, ваше благородие. Восемь верст от Севастополя.

Всего восемь?! Днем вышлют казаков в погоню, с коня в степи далеко видно, а рассвет вот-вот наступит. Нельзя медлить! Еще десять минут в тепле, и сон сморит людей окончательно.

— Спасибо, отец!

— Куда же вы? Дождитесь утра, авось бора стихнет, вот как задувает, господи...
— Никак нельзя нам, отец. Прощай.

В полдень казаки прискакали.

— Эй, старики! Ночью никого бог не присылал? Чуть с языка не сорвалось: да, мол, посылал бог людей, — но вовремя опомнился, сообразил, зачем здесь казаки.

— Никак нет, ваше благородие! Да и кто ж ночью пойдет, когда второй день бора дует? Бора — это мы так ветер с той стороны зовем, кличка у ветра такая — бора.

Есаул нагайкой поиграл, огляделся по сторонам, раздумывая, потом коня хлестнул, и понеслись казаки на балаклавскую дорогу.

В ПЛЕНУ

Их арестовали на рассвете пятого дня после побега. Арестовали в тот момент, когда казалось, что все трудности уже позади: и переход через заснеженную Яйлу, и спуск в пропасть, и блуждания по лесным дебрям. Да, в доме у безбедника Евграфа Иващенко они впервые почувствовали себя в полной безопасности и после сытного ужина уснули, не выставив караула. Стражники их подыали пинками.

— Одевайтесь!

Оделись. Их вывели во двор и посадили на подводы. Долго везли по тряским лесным дорогам. В деревне Каралез ввели в участок. За столом сидел пристав.

— Кто такие? — заорал он. — Как попали на кордон?

Во внутреннем кармане шинели Макарова чудом сохранилось удостоверение адъютанта.

— Прежде чем разговаривать, встаньте как полагается!.. Вот мой документ.

В глазах пристава запрыгали буквы: «Предъявитель сего капитан I Офицерского стрелкового ген. Дроздовского полка П. В. Макаров есть действительно Адъютант КОМАНДУЮЩЕГО Добровольческой Армией, что подписание и приложением казенной печати удостоверяется».

Кровь ударила приставу в голову, в ногах появилась противная слабость, вскочил, выткнулся.

— Виноват, господин капитан. Мне донесли: на кордоне банда и потом... часть ваших людей подозрительно раздета.

— Если понадобится, я и вас сделаю таким же оборванцем! Вы своими действиями могли сорвать мне операцию.

— Виноват, господин капитан!

— Выдать моим людям ружья и снабдить продовольствием на три дня! Мое пребывание в деревушке хранить в строжайшей тайне, вам понятно?

Пристав радостно щелкнул каблучками, улыбнулся.

— Слушаюсь, господин капитан! Все будет исполнено, господин капитан! Может быть, лошадей выделить?

— Не беспокойтесь, пристав... Ребята, за мной.

Пристав облегченно вздохнул и с восхищением посмотрел вслед капитану: вот люди!

НАЧАЛО

У Врангеля план: любой ценой закрепиться на перешейке, в Тавриде, пусть будет две России: большая и малая, красная и белая. У Врангеля ставка в Севастополе, во дворце Главного Командира Черноморского флота. Последний его владелец адмирал Колчак в Сибири уже расстрелян. И нет поэтому во всем белом движении никого главнее «последней надежды» — барона Врангеля. Некоторые особенно прыткие его уже в императоры готовы прочить.

В красивом дворце Врангель бывает редко, большую часть времени проводит на даче. Дача в уютной ложине на Черной реке: с юга крутой склон горы, с севе-

ра скалистый гребень, поросший дикими кактусами. Ветры лошинуку вёрхом проходят. Слово пастухи отары овец, гонят они облака на верхние пастбища, на Яйлу. В горной речке форель играет. Выше по течению, верстах в семнадцати, деревня Алсу, ниже, в пяти верстах, — Чоргунь. Сотня телохранителей — кавказцы в черкесах — надёжно стерегут лошину. Да и чего бояться — в горах спокойно. Правда, где-то у Мангушей, за Бахчисараем, приотилась банда дезертиров, нападает, грабит порядочных людей.

В городах контрразведка не дремлет, в Севастополе второй подпольный комитет раскрыла. Всех подпольщиков генерал Слащев затребовал к себе в Джанкой, устроил суд и расстрелял на боевых позициях. Слащев нрава крутого, на протесты из Севастополя ответил через все газеты: «Я уже сказал, что не допущу красных в Крым, но и не позволю тылу диктовать свою волю фронту. Добьюсь этого во что бы то ни стало, ставя ставку свою жизнь и жизнь врагов России». Слащев фронт удержит, это ясно. В Севастопольской гавани стоит флот, с его помощью можно угрожать всем портам от Одессы до Батума...

А тем временем приближаются к Чоргуньской конторе лесозаготовок четверо — двое офицеров и двое солдат. Входят в контору, где сидят девять инженеров, представляют: «Морская севастопольская контрразведка. Кто имеет оружие, попросу на стола».

Глухо падают на стол браунинги.

— Господа, в чем дело?

— Где кассир? Откройте кассу!.. Так. Поручик, проверьте серию и номер билетов!.. Так. Все правильно, все сходится. Откуда деньги?

— Из казначейства, господин начальник! Получены на заготовку шпал для линии Джанкой — Перекоп, там должен курсировать бронепоезд... Восемьдесят три тысячи.

— Прошу одеться и следовать за нами! Деньги фальшивые.

— Он ни в чем не виноват, господин начальник!

— Ладно, пишите поручительство. Завтра явитесь с ним к князю Туманову. Он вам даст документы на получение новых денег.

— Премного вам благодарны.

— До свиданья!

Ночь была темна, беспросветна. Раскачивался висячий мост, когда шли над рекой. Тявкали в Чоргуні собаки. Воробьев — в форме поручика — говорил приглушенно:

— Деньги деньгами, а браунинги это вещь, Павлуша. Половину денег можно передать в Севастополе подпольщикам, — предложил Макаров.

— Согласен. Но ведь нет явок.

— Зато есть надежные люди. Пойдешь ты. Скажи, что в районе Алсу создаем Первый повстанческий советский полк. Проси людей, оружие.

— Сразу уж и полк? Нас четверо, какой же это полк, Павел Васильевич!

— Полк. И белые пусть знают, что полк! А полк будет, вот увидишь.

ЗНАМЯ

Весна в Крыму ранняя, иногда в феврале миндаль зацветает. Белые подснежники над мокрой ржавой листвой, над прошлогодней сухой травой в голубое небо круглыми глазками глядят, к солнцу тянутся. Горный дуб крепкую коричневую листву до весны держит, на ветру шуршит листва, и в лесу тогда громкий шепот слышится. Земля уже дышит, воздух от этого дыхания — что настояка шиповника, пить и пить хочется.

В Мангушах партизанский отряд на постое. Почти весь народ душные земляники покинул, сидит на лужайках, в карты дуется: кто на деньги играет, кто на оружие, а кто на самогона. И одет кто во что горазд: тут тебе и офицерские шинели, хромовые сапоги, кубанки, картузы барские, тут же и зипуны, постолы, штаны из деюргии. Вдруг новость: явился отряд из-под Севастополя — командиром капитан Макаров. Собрались. «Товарищи, мы пришли сюда, чтобы объединить наши силы...» Вон куда гнет капитан! Дисциплину подавай ему. С пьянством кончай. Деньги и оружие в отрядную кассу сдай. Шестеро, до зубов вооруженных, сразу в сторону отошли, — нам, мол, не по пути. Другие заматинговали. В конце концов решили: командиром избрать Макарова, но из Мангушей не уходить, сидеть в деревне, объявить ее красной территорией и отбивать атаки белых, если сунутся.

Капитан, человек настырный, знай свое:

— Нельзя сидеть на одном месте. Нельзя оборонять одну деревню. Это не помощь Красной Армии, которая кровь проливает, в Крым рвется. Надо действовать шире, всюду вовлекать в отряды местных крестьян. Множить силы.

— Раз так, пошли в деревню! — крикнул кто-то. — Агитировать будем!

Пошли скопом. По дороге увидели мальчика в красной рубашке. Зашли к его матери.

— Продай рубашку.

— Зачем она вам?

— Нужно красное революционное знамя.

— Грешно деньги за это брать. Сейчас сошьем.

Знамя вышло самое настоящее. И сами не заметили, как выстроились в колонну, взяли шаг, а в деревню уже входили с песней. На песню выскочили крестьяне с детьми и женами, ко всех углоком сбежались, в отряд стали вступать дружно — что двадцать человек записало. Но как только узнали, что нужно будет уйти из села, руками захмалели:

— Куда мы из родного села?! Пускай каждое село да город за себя воюют. Нет, отсюда не уйдем!

— Ну что ж... Счастливо оставаться!

Уходя, неся перед собой знамя, все же возросшая по сравнению с той, что пришла сюда, горстка людей. Уходили, не оглядываясь, и чтобы те, кто остался и теперь смотрел им вслед, не уверились в своей правоте, они четко держали строевой шаг и дружно пели: Отречемся от старого мира...

Отречемся его прах с наших ног...

Так и ушли с песней в лес, и в лучах вечернего солнца вспыхнуло алым пламенем первое партизанское знамя.

СЛУХИ

Ползли по Севастополю слухи. Юркими змейками проскальзывали в богатые гостиные и в глиняные рыбацкие халупы. И слышался шорох. И слышался шепот. И слышалось змеиное шипение: «В лесу завелись красные-зеленые...»

Кто говорил — полк. Кто говорил — банда. Кто говорил — шайка мерзавцев во главе с Макаровым...

Рассказывали, что в имени Тимонихов в Алсу отдала группа офицеров; среди них — сын бывшего севастопольского градоначальника адмирала Бурлея. Однажды эта группа пошла ловить форель на Черную речку и повстречала там молодого человека, который представился им помещиком Арамасцевым. Целый вечер вместе ловили рыбу, беседовали о положении на фронте, предупреждали молодого человека, чтобы вел себя осторожно, потому что близости действует банда мерзавца Макарова, которого они вскоре поймут и повесят. Расстались дружески, а несколько дней спустя мнение окружила банда и командовало ею тот самый молодой человек. Офицеров не тронули, отпустили с миром, но всю одежду забрали. «Мы пленных не убиваем, — заявили повстанцы. — Идите и сообщите об этом в Севастополь».

Рассказывали, что шайка Макарова 25 мая совершила нападение на отряд стражи, гнавший взятых по мобилизации лошадей. Было отбито шестьдесят лошадей, которых вернули крестьянам деревень Ай-Тодор и Чоргунь. У капитана разгромленного отряда отобрали 200 тысяч рублей. Солдат отпустили.

Рассказывали, что вблизи деревни Ай-Тодор, всего в восемнадцать верстах от резиденции Врангеля, развешен красным флагом с надписью: «Штаб 2-го Повстанческого полка».

Рассказывали, что среди солдат и офицеров ходит по рукам воззвание, написанное этим самым Макаровым. Так вот кто этот человек! Бывший адъютант генерала Май-Маевского капитан Макаров! Уж кому, как не ему, знать, что творилось в штабе белых. Вон он как в своем воззвании разоблачает и Деникина, и Романовского, и Врангеля, и главу великобританской миссии по делам России генерала Брикаса... Что ж удивительного, что белая армия терпела поражение...

Ползли слухи по Севастополю. Верховный главнокомандующий морщился. Есть в его распоряжении Первый армейский корпус генерала Кутепова: марковская, корниловская, дроздовская пехотные дивизии. Есть Второй армейский корпус генерала Славчева: 13-я и 14-я пехотные дивизии и отдельная кавалерийская бригада. Три донские дивизии составляют Третий донской корпус генерала Абрамова. Четвертый сводный корпус генерала Писарева имеет кубанскую и чеченскую дивизии. Семьдесят тысяч солдат и офицеров. Да еще тридцать кораблей! Линкоры «Воля» и «Ростислав», два крейсера, четыре подводные лодки, миноносцы. Самолеты, танки, артиллерия.

Все есть в распоряжении главнокомандующего. Но портит ему настроение воззвание партизан, которое вручил ему князь Туманов: «Ваше высокопревосходительство, взгляните, что севастопольские подпольщики распространяют...»

Дело чести дроздовцев покончить с Макаровым, и тому, кто доставит Макарова живым или мертвым, будет выдано крупное денежное вознаграждение...

Телеграфные провода несли эту весть на фронт, на боевые позиции. Генерал Кутепов пристально смотрел на командира дроздовской дивизии: «Вы слышали, дело чести... С уходом вашей дивизии мы ослабляем фронт. Я бы никогда не допустил этого, если бы не была затронута честь офицерского корпуса, честь покойного генерала Дроздовского и, наконец, ваше...»

С фронта в Крым ушел эшелон с дроздовцами...

КОМИССАР КАМОВ

Уже два дня отряд пытался оторваться от преследователей. Несколько раз их окружали. Чудом они выскользнули, оставляя убитых. Их преследовали от Байдарских ворот. Шоссе патрулировали кавалерийские разведки. По всем дорогам шли дроздовцы. Хутора и деревни были взяты под контроль. Козьими тропами уходили партизаны.

Третий день они ничего не ели.

Камов, комиссар полка, красивый парень в белой лохматой папаче, подошел к Макарову, сильно сжал ему локоть:

— Павел Васильевич, положение отряда, сам видишь, пиковое. Выделяй мне десяток людей и отправляй за продуктами.

Задумался Макаров, заколебался. Слишком дорог стал всем комиссар — человек чистой совести и большого ума.

Уловив колебания командира, комиссар сказал твердо:

— Не возражай, Павел Васильевич.

Вздохнул командир.

— Иди, Камов.

И снова вздохнул.

Минут через двадцать за дубняком, куда ушли партизаны, застрочил пулемет, ахнули трехлинейки. Окружили белые комиссара, хотели взять живым, думали: авось это Макаров. Двух офицеров в упор застрелил Камов, отскочил назад, но куда уйдешь... Выхватил гранату и дождался, когда набросятся белые...

Раздался взрыв, и бой кончился.

ПРОПАСТЬ

Шли по пятам белые, цепь за цепью.

Небо над головами голубое, по-весеннему бездонное. Не жить красным под этим небом. Проводник утверждает, что красивые отступают к пропасти. По цепи приказ: обоим флангам ускорить шаг, выйти к пропасти и закрепиться. Всё. Как это у вас в песенке поется: это есть ваш последний и решительный бой?..

А партизаны у края пропасти столпились: эх, жаль, что не птицы! Макаров пистолет поднял:

— Всем вниз, кто как может!

Сам схватил за руку свою невесту Марию и бросился первым. За ним остальные. Катились вниз, цеплялись за выступы, бились о камни. Пришли в себя в речке, в холодной воде все ссадины зацедило. Глянули друг на друга — от хорошего английского обмундирования остались одни лохмотья.

Макаров бинокль приладил, сквозь листву край пропасти к себе приблизил — вот она, стена белых. Лица растеряны: куда делись красные?

— Если не заметят во время подъема, мы спасены! Цепочкой наверх, я замыкающим!

Дышали, как загнанные лошади. Прижимались к стене, срывая с пальцев ногти, карабкались наверх, с одной скалы на другую перекладывая винтовки, и шли над расщелинами, балансируя руками. Только Мария глаза от страха закрывала, ноги подкашивались, шептала, глотая слезы: «Ой, не могу!» Макаров на нее пистолет целил, закусив губу, шептал угрожающе: «Прыгай или пристрелю». Но она прыгать через расщелину отказалась. Яша Гордиенко, матрос из Севастополя, рукой дотянулся, подхватил Марию и перебросил к себе, она и охнуть не успела. Макаров пот со лба вытер: чуть невесту не застрелил. Бог мой!.. Перемахнул через расщелину, догнал ее, поцеловал в затылок, прошептал: «Молодчина, белочка!»

Когда поднимались, оглянулись назад.

Шумела быстрая горная река на дне каньона. И в бинокль хорошо было видно, как рыщут, обшаривая каждый куст, белые на той стороне...

ТРЕТИЙ ПОВСТАНЧЕСКИЙ

Несколько дней скрывались партизаны в пещере Сюртажа, отжикивались, зная, что белые теперь не успокоятся. Потом, чтобы не оставлять заметных следов, разбили на группы и двинулись в Мангуш, где, по слухам, начал действовать отряд Бабахана.

Сергей Бабахан, высокий, черноглазый, с копной смольных волос, с густой бородой, встретил их дружелюбно улыбаясь.

— Очень рад вас видеть, товарищ Макаров... Судя по войскам, которые на вас бросил Врангель, я думал: вы — сила. А у вас, оказывается, такой малочисленный отряд. Как это вам удалось?

— Вводить противника в заблуждение, чтобы оттянуть на себя как можно больше его войск с фронта, это, полагаю, и есть самое главное в тактике партизанского движения.

— Что ж, верно, — согласился Бабахан и тут же добавил: — Но не всегда.

Вечером в балке собрался ревком. Ждал Макаров начала совещания, думал: «Наступила пора для серьезных партизанских действий. От мелких налетов нужно сделать шаг вперед — перейти к крупным выступлениям, нанести удары по тылам врага. А для этого объединить разрозненные группы и отряды под единым командованием». Бабахан обратился к нему:

— Ваше мнение?

— Слабость наших отрядов в том, что они распылены и страдают одним и тем же недугом — я имею в виду выборное командование. Сегодня у отряда один командир, завтра другой. Это не по-воински. Отсюда плохая дисциплина, анархические выходы.

Бабахан наморщил лоб.

— Что вы предлагаете?

— Все отряды слить в один. Подчинить его одному командиру. Командира не выбирать, а назначить.

Услышав это, вскочил на ноги Лука Гой, бывший прапорщик, гимнастерку одернул.

— Правильно товарищ Макаров говорит. Ведь ревком не все время в лесу будет, он должен уйти в город, предварительно создав главный штаб повстанческих войск. Ревком должен назначить и командира полка.

— Третьего повстанческого советского полка, — сказал Макаров.

— Почему третьего? — Бабахан потер переносицу и пожал плечами. — Ведь у нас всего полторы сотни партизан. Ну, один полк — я понимаю.

— О первом и втором повстанческих полках Врангель уже знает. Пусть думает, что теперь их три. Все засмеялись: «Хитер товарищ Макаров!»

— Суворов учил: надо воевать не числом, а умением. Разошлись, улыбаясь, — ай да Макаров! Не успел появиться, а уже воинскую дисциплину наводит. Другого бы партизана с этой самой дисциплиной далеко послали, а ведь этому подчинится. Еще бы, слава такая за ним ходит!

Утром весь полк на поляне собрался. Бабахан объявил, что все отряды объединяются под командованием Макарова.

— Комиссаром назначаю Васильева-Васковского. Ревком берет на себя функции штаба повстанческих сил, я принимаю должностную командующего... Товарищ Макаров, огласите приказ.

Шелестела листва на деревьях, тихо стояли партизаны, слушали приказ. Новый командир вводил взыскания за различные проступки и преступления. Несогласных просил сразу же отделиться, тем же, кто останется, надлежало подчиняться новому уставу беспрекословно.

Сергей Захарченко, по прозвищу Забичанченко, огромный, с гордой осанкой атамана, вразвалочку отошел в сторону, хмыкнул. Потом презрительно осматрел строй, звонко сплюнул сквозь зубы. Славился Захарченко своими налетами на спекулянтов, грабил их беспощадно, золотишко себе брал и каждому в отряде выдавал долю. За ним потянулись те, кто считал его своим атаманом.

— Дураков нема, — ухмыльнулся Сережа. — Отделяемся, и баста! Будем промышлять у Косьмодемьянского монастыря. Кому здесь надоест — милости просим до меня, всех принимаю без всяких уставов.

Ушел Захарченко, ушел своих друзей, всего двадцать три человека.

Вечером вызвал Макаров начальника разведки Луку Гоя, приказал высказать обстановку. На следующий день вернулись разведчики: все деревни вокруг заняты белыми. Врангель бросил против партизан четыре тысячи кавалеристов, пять тысяч пехоты. Уходить надо.

Доложили Бабахану. На рассвете, когда еще стоял туман, ушел Бабахан со штабом на западный склон Чатыр-Дага, приказав полку пробиваться туда же. Но через час

доложил Гой, что последняя отдушина в кольце окружения закрыта.

Сдержал вздох Макаров, кулаки до боли сжал, решил: «Прорвемся!»

И вышел к партизанам. Те ждали, что скажет командир.

— Какова наша численность — неприятель не знает, иначе бы не бросал на нас такие силы. То, что мы окружены, ему известно. Но мы уже не раз у него из-под носа уходили, поэтому нервы у неприятеля напряжены. Единственный выход — отвлекающий маневр...

Замолчал Макаров и молча посмотрел на своих бойцов.

— Для этого нужно человек восемь-десять, не больше, — тихо сказал он. — Нужны храбрецы, которые отвлекут силы противника. Вызываю добровольцев.

Их вышло восемь, и среди них Гой.

— Как можно больше шума. Стреляйте, не жалейте патронов. Пусть противник подумает, что это прорыва-ется весь наш полк.

— Есть не жалеть патронов, — улыбнулся Гой.

Бой начался в условленное время. Затаявшись, партизаны наблюдали, как по шоссе, по направлению к месту боя, проносились аллюром конники, топорились пехотинцы. Наконец дорога опустела. Перебрав тех, кто попался на пути, полк прорвал кольцо окружения и стал быстро уходить в горы. Слыша выстрелы за спиной, каждый думал: гибнут товарищи. Гибнут ради спасения остальных.

Любопытные звезды глядели на черный шатер Чатыр-Дага. Жгли партизаны костры, задумчиво смотрели на огонь. Сухой, колючий, как стальной будак, застрел комок в горле. Мешает комок говорить, молчат партизаны.

Макаров ехал от Бабахана, сел у костра, тоже молчит. Проткнул ему кто-то кружку с партизанским чаем — горячий настой шиповника, отблеюнул глоток и поперхнулся — прямо перед ним стоит вся восьмерка вместе с улыбающимся Лукой Гоем.

— Прав ты оказался, Павел Васильевич. Белые, что были разъяренные, так с двух сторон ударили стремительно, так широко атаковали, уверенные, что перед ними наш полк, что схлестнулись друг с другом. А мы на деревьях забрались, затаились, смотрим, как они кольцо вокруг лагеря сжимают, пуляя друг в друга. Видел бы ты их, когда поняли они, в чем дело! Веса лагеря наш разгромили, печи повалили и ушли. А мы следом — и сюда.

Новость понеслась гулять от костра к костру. Сбежали партизаны. Сметает Макаров.

— Ну что, товарищи, убедились, что не так страшен волк!.. Можем драться с белыми, можем бить их!

С утра закипела работа. Партизаны шалили ставни, хворост таскали, печь мастерили. К полудню пришел Бабахан. Лицо хмурое, усталое.

— Зря вы тут ковыряетесь, — сказал он.

У Макарова кожа на скулах натянулась — вот-вот лопнет.

— Почему зря?

— Что вы, не видите, товарищ Макаров, какое положение? С продовольствием скверно! Средства для закупок его у населения нет! А враг бросает на полк такие большие силы...

— И прекрасно. Чем больше враг на нас будет кидать своих сил, тем больше принесем мы пользы.

Бабахан переносицу потер, вздохнул:

— Не совсем верно. Мы накануне полного разгрома. Разве это не ясно? Против нас девятысячная армия, а нас всего сто пятьдесят человек. Здравый смысл подсказывает — поражение неизбежно. Есть только одна возможность его избежать и сохранить людей.

— Какая?

— На некоторое время рассредоточить полк. Разобьем его на пятачки, пятачки в лесу рассеются, переждут грозу.

Побледнел Макаров, слушал, закусив губу.

— Не согласен! Полк — это серьезная сила, способная успешно вести бой с дивизией. Раздробить полк на карликовые группы — значит погубить то, что мы с таким трудом создали. Эти пятерки или разбегутся в трудных обстоятельствах, или их быстро выловят. А продукты мы будем брать у населения под расписку. Пожидаев уже так получил однажды муку, крестьяне дают охотно, потому что устали от поборов белых, ждут не дожидаясь, когда их власть кончится.

Бабахан сдвинул брови:

— Ну что ж... Есть две точки зрения. Постройте полк. Макаров спорить не стал с командующим, но для себя решил приказу не подчиниться, забрать тех, с кем пришел сюда, и вернуться с ними в Севастопольский район. Нет, нельзя загубить то большое дело, которое с таким трудом подняли. Нельзя, и basta!

Полк построился. Смотрят партизаны на командиров, ждут. Командующий Бабахан потер переносицу, ситуацию обрисовал и свое личное мнение высказал. Обратился к Макарову:

— Теперь вы.

— Есть у нас с командующим разногласие по главному вопросу, — сказал Макаров. — Я и вчера вам свою точку зрения высказывал, и сегодня повторю. Ситуация, на мой взгляд, не так безнадежна, как описал ее здесь товарищ Бабахан... Решайте, товарищи, с кем пойти, кого поддержать. Мы сейчас судим и тем, кто стоит перед вами, и сами себе. Кто с Бабаханом, оставайтесь на месте. Кто со мной, идите под это большое дерево, где я стою.

Севастопольская группа шагнула под дерево, не раздумывая. Ну, с этими все ясно — за своим командиром готовы в огонь и в воду. А остальные!

Тер переносицу Бабахан, смотрел, как один за другим уходят под дерево партизаны. Вот он и один остался. Стоял, ссутулившись, не знал, что делать.

— Ну что ж... Если буду нужен, вы знаете, где меня искать.

Когда уходил Бабахан, молча смотрели вслед ему партизаны.

А через два часа вернулся напрод Пожидаев, привел в лагерь небольшой обоз с мукой и мясом.

— Вот, — сказал он, — крестьяне нам бесплатно дали.

ОТВЕТ ВРАНГЕЛЮ

Макаров крутил бумажку в руках, улыбался, ждал, когда партизаны соберутся.

— Послушайте, что Врангель нам пишет: «Братья красно-зеленые!»

— Ишь, братьев нашел!

— Родственничек отыскался!

— Да тихо вы! Что дальше, товарищ командир?

— «Братья красно-зеленые! Протяните нам руки, и мы пожмем их. Все преступления, совершенные вами, прощаются. Своей преданностью перед родиной вы искупите их на фронте, где льется кровь лучших сынов отечества. С нами бог! Генерал Врангель».

Загадвали все разом, каждый свое орет, но все об одном и том же.

— Где ж это наше положение пиковое, когда сам Врангель нам такие полюбовные писульки пишет?!

Порешили ответить Врангелю, как запорожцы ответили турецкому султану.

— Пиши, товарищ командир, пиши: «Сумасшедший стратег Врангель...»

— Пиши: «Красные не дают вам покоя. Но хоть весь лес вырубай, нас, как и горы, все равно не уничтожишь... Кидай на нас хоть двести тысяч, не испугаешь...»

— Пиши, командир!

Окончание следует

ЗИНА ПОРТНОВА

В зале,
Горячие губы кусая,
Мы все замирали
При виде Чапая.
С экрана
В сердца нам
Стучали копыта —
И школы, и парты —
Все было забыто.
И каждый хотел
На него быть похожим:
— Я так же бы дрался!
— Я тоже!
— Я тоже!
Молчала лишь девочка,
Зина Портнова,
Она никому
Не сказала ни слова,
И что она думала,
Выйдя из зала,
Нам после
Бессмертье ее рассказало.

Леонид Кляушев

Первый рассказ в книге Бориса Никольского «Веселые солдатские истории» — маленькое открытие в своем роде. Мне подумалось: наверное, автор с большим удовольствием этот рассказ писал, и поэтому я его прочел с таким же удовольствием.

Солдату Башмакову беспрерывно не везет. По этому поводу командир Петухов четко заявляет:

— Невезучих людей, Башмаков, не бывает — бывают люди не-дис-ци-пли-ни-ро-ван-ные. Ясно?

Точно и верно. Очень даже вразумительно.

Командир и Башмаков прыгнули вместе, и парашюты их раскрылись почти одновременно. И вот тут парашют солдата стал подниматься вверх.

«— Рядовой Башмаков! — закричал лейтенант. — Вы куда?

— Не могу знать! — закричал Башмаков.

— Немедленно вернитесь! — закричал лейтенант.

Но Башмаков продолжал медленно лететь вверх.

— Вернитесь сейчас же! — еще громче закричал лейтенант».

Если уж не засмеется читатель, то улыбнется. Даже самый мрачный.

«Будь на месте Башмакова другой солдат, он бы наверняка растерялся и от страха натворил каких-нибудь глупостей. Но Башмаков не испугался, — пишет автор. — Он даже не удивился. Потому что привык, что с ним всегда что-нибудь происходит...»

И дальше:

«Он спокойно летел, словно на воздушном шаре, и смотрел вниз.

И все запоминал, что было внизу.

А внизу был лесок. А в леске танки «противника».

Так Башмаков летел довольно долго. А когда приземлился, то сразу пробрался к своим. И доложил о танках «противника». И лейтенант Петухов после занятий объявил ему благо-

ЧИСТО, ПРОСТО, КОРОТКО И ТОЧНО

дарность за самообладание и находчивость.

С тех пор Башмакова перестали звать невезучим. А как только его перестали считать невезучим, он, и правда, перестал быть невезучим...»

Так заканчивается эта маленькая история в полторы странички. Бесхитростно. И просто.

Рассказ впечатляет тонкостью юмора и, я бы сказал, симпатичностью. С симпатией относится автор к своему герою и к своему читателю. С симпатией относится читатель к нему и к его герою. Борис Николаевич Никольский понимает своих читателей, а героев своих знает. Он сам был в десантных войсках и прыгал с парашютом. Правда, он летел вниз, а не вверх, и в потоки восходящего теплого воздуха не попадал ни разу. Так что невезучим его не назовешь, тем более он хорошую книжку написал.

Интересны и поучительны и другие рассказы. Герой в них — тот же солдат Башмаков. Оригинальна «Самая уди-

вительная история». То есть никакой истории на этот раз с солдатом Башмаковым не произошло. «И это, пожалуй, самое удивительное», — говорит автор.

Казалось бы, что особенно интересного в солдатских буднях в мирное время? Был один и тот же, служба, одним словом. Но автор нашел необычного эксцентричного своего героя. Черты солдатской смекалки, находчивости проявляются у Башмакова по-своему. Парень обыкновенный, ничего такого внешне примечательного в нем нету. Но многие ребята, наверное, пожалуют, что так быстро закончились веселые истории про Башмакова. И может быть, многие пожалуют, что возраст им не позволяет отправиться в армию сейчас: прыгать с парашютом, ходить в атаки обезоруживать бандитов, выполнять важное государственное дело...

В книге есть и повесть «Братья Сорокины», которую вы прочтете, надеюсь, с удовольствием. Солдат Сорокин в повести — солдат неважный. Дисциплина у него хромает. Он больше препирается с командирами, чем занимается своим делом. А ведь солдатская служба — работа нелегкая.

О том, как было стыдно старшему Сорокину за свою работу перед младшим братом, и о многом другом вы узнаете из этой повести.

Написана книга ЧИСТО, — а это хорошо, потому что трудно чисто, ясно написать.

ПРОСТО, — совсем хорошо, потому что написать просто — совсем непросто.

КОРОТКО, — краткость сестра таланта, это давно известно.

ТОЧНО, — неточный удар по воротам — и гола не будет. А в данном случае — забит.

Узнать ребятам о солдатах своей армии просто необходимо.

Вот и получается, что написал Борис Никольский подарил детям хорошую, нужную, талантливую книгу.

В. Голявкин

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосырева

Оформление
Р. Попова

Год издания 18-й

Юнги крейсера „Варяг“

Отличный гвардейский ракетный крейсер «Варяг» в походе

Пионерский лагерь «Варяг» — подарок строителей Братской ГЭС. В отрядах экипажей четыреста юнгов моряков знакомятся с основами военно-морского дела. Лагерь раскинулся на берегу бухты Братского моря. Ребята назвали ее «Золотой Рог». Шефы лагеря, моряки-тихоокеанцы, разработали план подготовки юнгов. Тихоокеанское высшее военно-морское училище имени С. О. Макарова направляет в лагерь командирами отрядов лучших курсантов-комсомольцев. И каждое лето моряки приглашают на флот, на гвардейский ракет-

ный крейсер «Варяг» воспитанников лагеря.

И вот экипаж отличного гвардейского крейсера «Варяг» пополнился пятнадцатю мальчишками. Четырнадцать — юнги военного морского пионерского лагеря «Варяг», пятнадцатый — нахимовец, воспитанник этого же лагеря. Юнги знакомятся с жизнью экипажа, рассказывают о себе. Потом грохочет якорная цепь,

Командир «Варяга» капитан второго ранга Юрий Иванович Дерябин знакомит юнг со штурманским оборудованием

уплывая в кильзы. Ребята выходят на крейсере в море...

Саша Муравин, воспитанник лагеря.
Фото автора

ГЛАВНЫЙ ХИМИК

Главный химик — новая профессия на нефтеналивных судах.

Если нефть попадет в море, морю гибель.

Танкеры-громадины перевозят сотни тысяч тонн нефти. Главный химик следит, чтобы нефть не загрязнилась морем, чтобы танки-баки очищались после разгрузки от нефтяных остатков.

Как очищают танки? Пустые баки заполняют морской водой и саплют в нее особый порошок; в каждом его грамме — пять миллиардов таких бактерий, которые охотно пожирают нефть, эти бактерии превращают нефть в двуокись углерода, воду и бактериальную плазму. Глядишь, через несколько часов стенки танка чистые...

Д. Малкин

НАШ ТАШКЕНТСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

Так можно назвать Павлика Тарасова.

Он жил, учился в Ташкенте и присылал в «Морскую газету» свои заметки. О настоящих морях мечтал на берегу Ташкентского озера, кораблики пускал в арыках. В 1972 году в игре «Морская газета» «Юнгов-2» занял одно из первых мест. В редакции хранится модель брига, которую построил Павлик. А недавно в редакцию пришло письмо: теперь наш ташкентский корреспондент учится в Ленинградском Нахимовском училище. Значит, со временем он станет настоящим моряком.

В. Того

ОДНАЖДЫ...

Однажды два аквалангиста работали на Каспийском море, осматривали и фотографировали под водой свайные сооружения.

Аквалангисты ушли на глубину и занялись своим делом.

У одного была пика-трезубец, которую он брал с собой, надеясь поохотиться за рыбой. Но в этот раз было не до того: времени не хватало. И он привязал пику к сваям.

Волнение раскачивало пику, и острие ее поворачивалось то в одну сторону, то в другую. Аквалангист, проплывая мимо, не заметил пику, сделал резкое движение ногой и напоролся на острие.

Боли он не почувствовал. Под водой боль ощущается не так сильно, как на суше. Даже если идет кровь (она кажется коричневой, а на большой глубине — зеленой), боли нет...

Аквалангист сперва подумал, что кто-то его за ногу ухватил. Потом понял. Но что делать? Пикку с зазубринами не выдернешь; и отвязать нельзя — не дотянуться. А самое скверное — воздух в баллонах акваланга вот-вот кончится...

Второй аквалангист заметил неладное, подплыл. Показал: не двигайся, мол. Быстро отвязал пику, осторожно свинтил с дрезва трезубец.

Поднялись оба на поверхность. Здесь уже ногу от трезубца освободили и рану залили йодом. А через несколько дней аквалангист снова мог под водой работать. *Всеволод Джуг*

Юнкор «Морской газеты» Сережа Белозеров заинтересовался репродукцией с картины художника Волкова «Подвиг пяти черноморцев»...

«А что, если, — подумал Сережа, — на картине изображены матросы, которые действительно сражались на черноморском берегу?» Сережа начал разыскивать участников Великой Отечественной войны, послал письмо в Симферопольский архив. Наконец, получил вырезку из газеты военного времени. В ней говорилось о подвиге пяти моряков-героев...

Шел ноябрь 1941 года. Фашистские танки рвались к Севастополю. Пятеро моряков — политрук Фильченков и матросы-комсомольцы Цибулько, Красносельский, Паршин и Одинцов несколько часов отражали атаки танков и пехоты врага. Уже горели подбитые гитлеровские машины. Вот из пяти человек остались в живых только трое: Фильченков, Паршин и Одинцов... Вот уже израсходованы бутылки с горючей смесью, патроны... А приближаются новые танки, режут их моторы. Тогда моряки привязали гранаты к поясу. За Родину! За Севастополь! Страшные, окровавленные поднялись они навстречу врагу и бросились под танки...

Указом Президиума Верховного Совета СССР Николаю Дмитриевичу Фильченкову, Василию Григорьевичу Цибулько, Ивану Михайловичу Красносельскому, Юрию Константиновичу Паршину и Даниилу Сидоровичу Одинцову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

ДЕЛА МОРСКИХ КЛУБОВ

О клубе юных моряков Комсомольска-на-Амуре «Морская газета» писала в 1973 году (№№ 7, 8 «Костра»). Член клуба, юнкор Сережа Шувалов сообщает: «Дела в нашем клубе идут хорошо. С нового года занимаются две группы: новичков и «морских волков» — так называют тех, кто ходил в дальние шлюпочные походы. Недавно в клубе было собрание, на котором многих ребят наградили памятным значками и книжками».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По вертикали: 2. Фал. 4. Фок. 6. Штаг. 7. Шкафут. 9. Шток. 10. Якорь.
По горизонтали: 1. Антенна. 3. Порт. 5. Лот. 8. Галс. 11. Ростры. 12. Гидрофон.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ПИНГВИН ПРОСИТ ЮНЫХ ХУДОЖНИКОВ-МАРИНИСТОВ ПИСАТЬ НА ОБОРОТЕ ПРИСЛАЕМЫХ РИСУНКОВ СВОЕ ИМЯ, ВОЗРАСТ И ТОЧНЫЙ ОБРАТНЫЙ АДРЕС.

**И ЕСЛИ
ПРОЗВУЧИТ
СИГНАЛ
ТРЕВОГИ...**

Храбрость и стойкость, уверенность и старание... Эти слова стали для нас привычными, потому что они означают качества русского солдата-победителя.

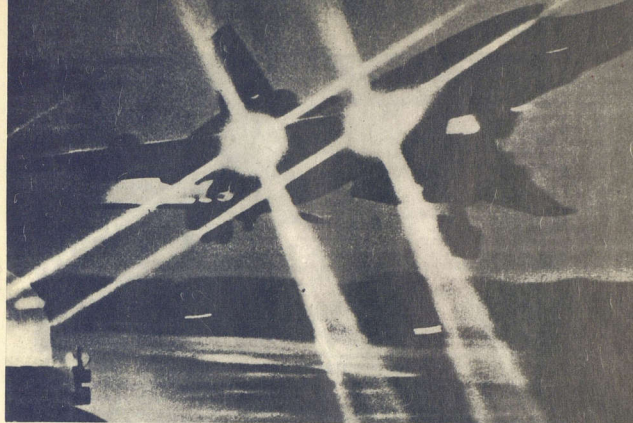
Что рождает победу?

„Глазомер, быстрота, натиск“, — говорил Александр Васильевич Суворов. „И священная вера в правое дело“, — добавляли наши деды и отцы, защищавшие завоевания революции.

„И могучая техника, — говорим мы сегодня. — Но прежде всего — люди, в чьих руках она находится“.

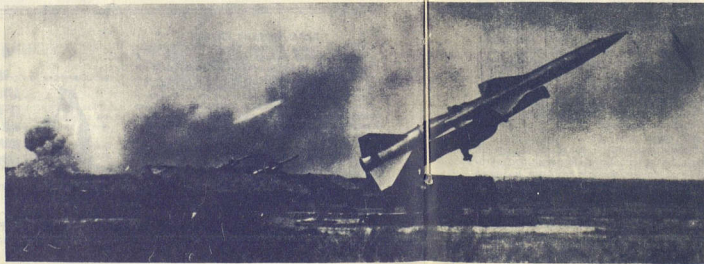
Вот почему сейчас важны воля и знания, закалка и техническая подготовка всей нашей Армии.

...Сменяют друг друга учебные и полевые занятия — каждую минуту нужно быть готовым делать все так, как этого потребует боевая обстановка.

И если прозвучит сигнал тревоги и раздастся приказ командира, — ничто не сможет помешать четким действиям всех воинских соединений и на земле, и на воде, и в воздухе. Потому что новейшие виды оружия находятся в руках настоящих мастеров своего дела.

Мужественный и умелый — так говорят сегодня о воине Советских Вооруженных Сил.

ПОВЕСТЬ — БЫЛЬ

М. Плехина

Рисунки А. Сколзубова

— Каждый день прилетают, — сказала девушка-почтальон. — Половину поселка выжгли. А у нас и военных-то нет. Только мы, оставшиеся из местных, да эвакуированные. Враги это, конечно, знают, а все равно бомбят. Скажите, пожалуйста, вы понимаете, зачем нужно бомбить несчастных детей и женщин? У вас это укладывается в голове?

Плавню затихая, удалились проклятые моторы.

Вера Петровна вышла на улицу. Косой черный столб дыма устремился в освободившуюся от облаков голубизну. Сожгли школу. Школу сожгли... И это тоже не укладывалось в голове.

Вечером к полустанку подогнали состав из расшатанных и простреленных товарных вагонов. Внутри были двухъярусные нары, холодные печурки и снег — на полу, на нарах, на стенах. Вера Петровна забралась в уголок на верхние нары. В досках была щель, через которую можно будет смотреть. Но она не смотрела пока в эту щель, а, скосив глаза налево, наблюдала, как рядом устраивается семья: капитан третьего ранга с забинтованной, трясущейся от контузии головой, его плечистая неулыбчивая жена в беличьей шубе, очень, впрочем, красивая женщина, и сыншишка лет восьми-девяти. Дама в шубе построила в головах

бруствер из мешков и чемоданов. Желто-бледный капитан третьего ранга сидел на нарах, свесив ноги, и не глядел на нее. Склонив голову, он внимательно разглядывал свои аккуратные черные валенки, почти такие же, какие были и на Вере Петровне, может быть, выданные тем же вещевым складом.

Потом он повернул голову к ней.

Вера Петровна увидела глубоко запавшие, измученные болью глаза.

— Валентина, ты бы дала девушке зеленый мешок под голову, — сказал капитан третьего ранга.

— А где у девушки свой мешок? — недружелюбно откликнулась хозяйственная Валентина.

— У девушки нет своего мешка, — сказала Вера Петровна. — И никакого мешка ей не нужно.

Не хотелось ничего принимать от этой Валентины. Бывает же такая антипатия с первого взгляда...

— Д-дай м-мешок, — тихо произнес капитан третьего ранга.

— Коля, ты где? — звонко крикнула в темноту Валентина.

— Я здесь! — откликнулся детский голос из другого конца вагона.

— Иди сюда!

Валентина завопилась среди своих вещей. Наконец, протянула Вере Петровне продолговатый брезентовый мешок с лямками, надежно зашитый суровой ниткой. Вера Петровна хоте-

Продолжение. См. «Костер» № 1, 1974 г.

ла снова отказаться, можно и так спать, если еще под голову наложить еловых веток, но подумала, что обидит таким поведением хорошего человека, раненого капитана.

Мешок был мягкий, но не очень легкий.

— Спасибо, — сказала она и положила мешок к стене, туда, где будет голова. — Не беспокойтесь, не пропадет.

— Я не беспокоюсь, — с некоторым вызовом откликнулась Валентина. — Если бы вы были из тех, за кого надо беспокоиться, у вас во всяком случае был бы уже свой мешок.

— Прекрати, — сказал капитан третьего ранга.

Валентина умолкла, уткнулась в вещи.

Вера Петровна подумала, что все у нее складывается на редкость удачно. Есть у нее место в вагоне, скоро пойдет поезд, и вот даже мешок мягкий под голову дали. И даже голода особого нет! Замечательный эвакуационный хлеб и миска горохового супу до сих пор дают энергию и силы. Но главное — она едет!

Симпатичный — не в маму — Коля, дважды перевязанный шарфом, забрался наверх и сразу спросил:

— Вы тоже раненая?

— Нет, — сказала Вера Петровна.

— Значит, контуженная?

— И не контуженная, — усмехнулась она. До войны у них в штабе слово «контуженный» употреблялось в значении «ненормальный».

— А какая вы?

— Не приставай к человеку! — одернула мальчишку Валентина.

Ненадолго примолкнув, любознательный Коля возобновил атаку:

— Вы на корабле служили?

— На берегу. В противовоздушной обороне. Знаешь, что такое?

— Знаю! — сказал Коля. — Это зенитки. Наш самолет обстреливали из зениток, когда пролетали над линией фронта.

— Наш тоже, — вздохнула Вера Петровна. Даже вспомнить о том страхе, который она испытала в воздухе, было страшно.

— Выходит, им всех обстреливают, — задумался мальчик. — Почему? Им надо всех нас поубивать, да?

— Ты в школу ходишь? — спросила Вера Петровна.

— Ходил два месяца, — ответил Коля. — Мы учились в подвале, чтобы по тревогам не бегать. А на обед нам давали пшеничный суп — «крупинка за крупинкой гоняется с дубинкой», а учительница называла «брандахлыст». Смешно! А потом сказали, что уроков больше не будет.

— Александр, ты бы лег, — внимательно посмотрев на мужа, сказала Валентина.

Капитан будто только и ждал приглашения, протянул ноги на досках, прополз вперед и улегся, громко вздохнув.

Далеко впереди лязгнули тарелки буферов. Звонкие хлопки, становясь все громче, добежали до их вагона и покатались назад, затихая.

— Паровоз прицепился, — сообщил Коля. — Сейчас тронемся.

— Слава богу, — сказала Валентина.

Вера Петровна смотрела в щель вагонной стенки. Она увидела, как из вагонов стали выпрыгивать люди. Увидела это раньше, чем услышала рев моторов.

— Самолеты! — крикнула она.

Валентина как судло с нар. Схватив Колю, она кинулась к двери. Капитан третьего ранга поднимался, стараясь не шевелить головой.

— Помочь вам? — предложила Вера Петровна.

Наверху гудели самолеты. Трещали пулеметные очереди.

— Чем вы мне можете, малютка... — проговорил капитан третьего ранга, подползая к краю нар. — Бегите. Это он по огням паровоза сориентировался.

— Возьму-ка с собой мешок, — сказала она. — Не дай бог, куда денется в мое отсутствие, потом не отчитаешься.

— Плюньте, — посоветовал капитан.

— Нет, неловко будет, — сказала она.

— Ну, бегите же!

Вера Петровна с мягким мешком выпрыгнула из вагона, подождала капитана, хоть так и подмывало кинуться к деревьям. Подставила плечо, когда он спускался.

— Бегите! — строго повторил он.

Самолеты носились вдоль состава на небольшой высоте, обстреливая вагоны пулеметными очередями.

— Бегите от поезда!

Короткая очередь вспорола землю в двух метрах от них.

— Во-первых, я не могу бегать, — сказала Вера Петровна. — У меня дистрофия. А во-вторых, чему быть, того не миновать...

Она шла чуть впереди капитана третьего ранга. Они достигли березняка, где укрылись люди, и услышали крик:

— Папа, папа, мы здесь!

Капитан смотрел назад.

— Мерзавцы... Отъявленные м-мерзавцы...

Несколько вагонов горело. Показалось, что их вагон тоже горит, хотя точно определить на расстоянии было невозможно. Валентина с Колей уже стояли рядом. Валентина поглядывала на свой мешок.

Самолеты, отстрелявшись, улетели на запад. Толпа потекла обратно к поезду.

— Боже мой! — воскликнула Валентина, вскинув руки. — Что, если наш вагон тоже горит?!

— Наш вагон горит! — с нелепым восторгом закричал Коля.

Люди забрасывали горящие вагоны снегом.

Военные собирали трупы и раненых, укладывали их на подводы, разворачивали лошадей к поселку. Их вагон тоже горел, пламя вырывалось изнутри, как из жерла вулкана.

— Как же мы теперь без вещей... — едва выговорила Валентина.

— Мы пришли в этот мир без вещей и уйдем из него тоже налегке, дорогая, — сказал капитан третьего ранга, почти в этот раз не заикаясь. — Давай-ка искать место.

Суматоха на полустанке утихла. Люди торопились забраться в вагоны. В одном вагоне Вера Петровна увидела наполовину свободные верхние нары.

— Залезайте сюда, товарищ капитан третьего ранга! — позвала она.

— Меня зовут Александр Иванович, — сказал он, поднявшись с ее помощью в вагон.

Паровоз двигал, пересортировывал состав.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Поезд шел медленно, сутками простаивая в тупиках и на разъездах, уступая дорогу эшелонам с ранеными и платформам с заводским оборудованием. Встречные составы везли на фронт солдат и технику.

На остановках добывали топливо для вагонной печурки. На станциях поезд стоял мало, люди едва успевали получить хлеб в эвакопункте. Вера Петровна уже научила себя делить хлеб на части, растягивая равномерно на весь день.

Александр Иванович внимательно смотрел, как она подолгу жует крохотные кусочки своего хлеба.

— Полагаете, я от войны убегаю, — говорил он, мучительно запинаясь на согласных. — Нет, девушка, это неверно. Война сама отвергла меня за ненадобностью...

«Меня война тоже отвергла за ненадобностью», — подумала она.

— Вы кронштадтская? — продолжал капитан третьего ранга. — Должны помнить, как двадцать третьего сентября в линкор «Марат» попала бомба. Он сел на грунт в Петровской гавани и стал плавучей батареей.

— Это был черный день, — сказала Вера Петровна. — Весь город погрузился в глубокий траур. Ведь много людей погибло сразу, это даже страшно подумать!

— Много... Не знаю, благодарить ли того славного матроса, стараниями которого я не стал одним из многих. Врачи сохранили мне эту самую... жизнь, как они называют. А разве это жизнь? Работать я не могу. Не способен думать, ибо постоянно болит голова. Из пистолета стрелять тоже не могу, трясутся руки.

— Куда вы теперь? — спросила Вера Петровна.

Выбрасывали сгоревшие вагоны.

Поздно ночью поезд пошел.

— Возьмите ваш мешок, — сказала Вера Петровна и подвинула зеленый мешок вплотную к Валентине.

Та как бы удивилась, и рука ее легла на мешок не совсем решительно.

— Я вам, конечно... — начала Валентина.

— П-прекрати, — сказал Александр Иванович.

Вера Петровна скорчилась клубочком и уснула. Она и во сне слышала стук колес, чувствовала холод и все подвигалась к чему-то теплему. Проснувшись внезапно, она увидела, что прижимается к теплему боку Александра Ивановича. Капитан лежал на спине, и дыхания его не было слышно.

Она отодвинулась подальше, к обросшей инеем стене.

— Направление в Ульяновск, — ответил Александр Иванович. — В Центральный военноморской госпиталь. Вот, еду... Может, отремонтируют... А их, — он косился глаза на жену и сына, — рассчитываю пристроить в Москве. Знакомые кое-какие имеются. Да и Валентина у меня расторопная, не пропадут. — Ни ложки, ни кружки, ни одеяла, — бормотала Валентина.

— И это переживешь, — молвил Александр Иванович тихо.

— Очень уж ваша жена любит вещи, — сказала Вера Петровна как бы шутя. — Кто ее так воспитал?

— Не я, — ответил Александр Иванович. — У меня, Вера Петровна, есть одна замечательная справка. Храню ее свято...

— Покажете? — спросила она.

— Вам — покажу. — Он порылся в кармане, достал бумажник, вытащил потрепанную на сгибах и по краям бумажку. — Читайте.

Она прочтала: «Справка. Дана сия гр. хутора Фролова станицы Кременской Шахову Александру Ивановичу в том, что он действительно из имуществ ничего не имеет. Социальное положение — сын рабочего, происходящего из крестьян, что подписью и печатью удостоверяется».

— Мне дали эту справку, когда я собрался ехать в Ленинград, поступать в Военноморское училище имени Фрунзе. Видите, какая замечательная справка, — улыбнулся Александр Иванович.

Однако жена его имела иные взгляды на жизнь. Вскоре она обзавелась и ложками, и кружками, и одеялами. И с каждой приобретенной вещью у нее как бы прибавлялось уверенности и самообладания. Голос крепчал. Лицо вновь обретало утерянные краски и хо-рошело.

У Веры Петровны не было больших денег — только полученное при уходе месячное жалование. Она не покупала, не могла покупать на станциях ни лука, ни молока, замороженного в форме тарелок. Кормилась лишь тем, что давали в эвакупунктах, и была в общем сыта. Сил у нее прибавлялось.

Пассажиры в вагоне стали говорить о том, что скоро будет Вологда — большой, почти не тронутый войной город.

— В Вологде мы пересаживаемся на московский поезд, — сказала Валентина, разливая кипяток по кружкам. — А вам так далеко — страшно подумать. Дайте вашу кружечку...

Вера сообразила, что ей дают кипяток.

Валентина спросила:

— Хлеба у вас уже, наверное, нет?

И положила рядом с ней кусочек хлеба. На засовывал в рукавицу нос, говорил, что она пахнет бараном.

— Она пахнет целым бараньим стадом! — говорил Коля. — Из нее жар, как из печки!

Он надевал рукавицы на руки и изо всех сил колотил стенку.

— Где вы такие достали?

— С неба свалились, — засмеялась Вера Петровна.

— Так не бывает, — заявил Коля, и Вера Петровна подумала, что никогда, наверное, Валентина не рассказывала ему сказок.

Рукавицы в самом деле свалились с неба. Они были мальчишке не очень велики. Пожалуй, года через два — три придется как раз.

— Давай поменяемся, — сказала Вера Петровна.

— На мой? Вы взаправду?

Коля уж тянул ей свои шерстяные варежки.

— Надо спросить, разрешит ли мама, — подала не очень строгий голос Валентина.

— Разрешишь! — завопил Коля. — Мамочка, ты разрешишь!

— Некоторых людей опасно угощать жареным луком, — сказал Александр Иванович. — Отче-

го это у нас, русских, такое преувеличенное чувство благодарности?

— Обязательно тебе надо подвести теоретическую базу, — с досадой сказала жена его Валентина.

— Непременно. Пойдемте, погуляем, пока машина стоит, — предложил он Вере Петровне.

Она помогла ему спуститься на землю.

Александр Иванович был худощав и легок, как юноша. Тихим шагом пошли они вдоль вагонов. Вокруг суетливо шумел базар. Эвакуированные выменивали на свои пожитки нехитрую снедь у старух и детишек.

— Сколько за жмых, если на деньги? — спросил Александр Иванович у раздумывавшейся на морозе торговки.

Пошли дальше, грызя сладковатый жмых.

— Напомните, как называется поселок, куда вы едете? — спросил Александр Иванович.

— Усть-Ишим, — ответила она.

— Если позволите, я напишу вам из госпитали. В Усть-Ишим, на почту, до востребования.

— Зачем это нужно, — сказала Вера Петровна, глядя, как вдавливаются валенки в грязный железнодорожный снег.

— Кто знает, что зачем на этом свете, — попробовал он усмехнуться, но только наморщил лицо. — Как правило, человек сперва делает глупость, а потом уже разбирается, почему и зачем он ее сделал.

— А зачем делать глупости?

— Опять это «зачем»... Вы никогда не делали глупостей? Ну, просто так, потому что появилась потребность сделать глупость, и душа не успокоится, пока эту глупость не сделаешь.

— Бывало.

Именно в этот момент Вера Петровна почувствовала, что могла бы много рассказать ему, совсем довериться. Но завтра он переседит на московский поезд, и очень быстро они позабудут друг друга...

— Я напишу вам, — повторил он... — А вы мне ответите. И расскажете в письме, как встретились с сыном.

— Надо еще доехать.

— Неужели вы сомневаетесь, что доедете?

— А знаете, не сомневаюсь.

— Я тоже. Вы какая-то очень несомненная. Без суесть и претензий... Вы мне очень помогли, Вера Петровна. Честное слово, помогли; как никто, как ни один врач. Видите, я уже пытаюсь улыбаться, мне неловко заикаюсь с вами, и я почти уже не заикаюсь. Вы дали мне почувствовать, что я не лишний теперь человек на свете, что не буду эдакой обузой на шее общества и найду себе новое, полезное и уважаемое место.

— Очень рада, — сказала она, — хотя и не понимаю, что я сделала для вас...

— Ничего... Просто встретился добрый человек на пути... А это иногда важнее всего.

— Пойдем обратно, паровоз прицепляют...

Они вернулись в свой вагон, и Вера Петровна дала Коле кусочек жмыха, но он не стал

его есть. Сказал «спасибо» и положил в карман.

Поезд двинулся, медленно и неохотно набирая скорость. Вера глядела в щель между досками на непролазные вологодские леса и старалась не думать о том, что говорил ей Александр Иванович.

Она стала думать о Михалке, вспоминать шаг за шагом всю его маленькую жизнь. Как он болел, как терялся, как его исцарапала кошка. Никогда и никого не было в ее жизни дорожке и ближе Михалки, и так будет до конца ее дней. Она отдаст ему всю свою любовь, свой труд и свою душу. У него будет все то, чего она сама не достигла в жизни. Он будет образованным, умным и добрым человеком, у него будет интересная, нужная людям работа, он приведет в дом славную жену... Ревность к этой будущей Михалкиной жене кольнула сердце. Она улыбнулась: какая глупость! Прав Александр Иванович: так уж, видно, устроен человек, что без глупостей ему не обойтись... Она перестала плохо думать о Михалкиной жене, которая объявится не раньше чем через десяток лет, а может, и вообще еще не родилась.

Темнело. Черная стена леса то приближалась к самой дорожке, то далеко отходила, оставляя место для человеческого поселения. Над трубами курился прозрачный дымок. Тревога слабела, все светлее становилось на сердце. Поезд нес ее все ближе к Михалке. Она отвалилась от щели и закрыла глаза. Чем больше спишь, тем короче дорога.

**ГЛАВА
СЕДЬМАЯ** Наконец, поезд подошел к станции Вологда. Схивившие тут пассажиры выволакивали свои пожитки из вагонов.

Коля быстро шел впереди, размахивая подобранный на путях палкой. Валентина зорко следила за сыном и время от времени окликала его, умеряя пыл.

— Помните, Вера, — сказал Александр Иванович, — я непременно напишу вам.

— Я пойду обратно, — сказала она. — Прощайте.

Они остановились. Валентина этого не заметила и уходила все дальше.

— До свидания, — сказал Александр Иванович.

— Какое уж свидание, — мотнула она головой.

Ей было жалко его и трудно от этой жалости. Хотелось поскорее уйти.

— Идите, Александр Иванович.

— Дайте мне что-нибудь на память о вас. Она рассмеялась. Что она может дать на па-

мять? Потом вспомнила, сунула руку в карман, вытащила осколок снаряда.

— Он хотел меня убить, упал на мое место, а меня там как раз в тот момент не было. Возьмите.

— Спасибо. Это дорогой подарок. Я сохраню его.

— Вы его выбросите, когда вам вылетят нервы.

— Как вам трудно притворяться злой... До свидания. Я напишу.

Он резко повернулся и пошел к вокзалу.

Вера Петровна походила немного, вернулась в вагон, легла, уткнувшись лицом в стенку, и по непонятной причине всплакнула. В ушах ее все еще звучали собственные грубые, злые слова.

А внизу новые пассажиры докрасна раскалили печку. К потолку поднимался чадный запах паленого.

— Ну, поезжай же скорее, — сказала она поезду. — Разве ты не понимаешь?

Поезд не понимал.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Время от времени проблескивали во тьме огоньки. И чем больше протекало томительных, ошутимых часов, тем чаще проблескивали эти живые огоньки. Оказалось, под Свердловском не было затемнения. Сюда не долетали немецкие самолеты, смерть не сыпалась на эту землю, не надо было прятать свет.

Огонь становилось все больше, совсем близко был Свердловск.

Люди в вагоне зашевелились, просыпаясь. Они кричали, переговаривались, собирали вещи. Огонь в печурке догорел, и никто не торопился подбросить дровишек. Угли давали еще слабый свет.

Равнодушно покинула она вагон, в котором ни с кем близко не познакомилась за время пути от Вологды. Пошла искать девятый путь. Там, сказали ей, формируется ишимский состав.

На девятом пути с лязгом катились вагоны. Она спросила у обмотанного шарфом человека, идет ли этот состав на Ишим.

— И на Ишим тоже идет, — сказал человек, не разглядывая ее.

— А в какой вагон можно?

— Ни в какой нельзя. Состав товарный.

— Как же быть? — испугалась Вера Петровна.

— Да в любой полезай.

Она выискала вагон с печной трубой, залезла в него и задинула за собой дверь. Было пусто и холодно. Надо бы набрать дров, затопить, но не осталось сил проделать такую тяжелую работу.

«Где-нибудь на разъезде наберу дровишек», — подумала она и с трудом забралась на нары.

Разбудили ее детские голоса. Стая мальчишек, которым едва перевалило на второй десяток лет, шумно лезла в вагон. Сперва они не заметили ее в холодном сумраке и, только разогрев печурку, увидели, что на нарах лежит человек.

— Живой, — сказал один мальчишка.

— Матрос, — добавил другой.

— Ну и фиг с ним, — высказался третий.

— Эй, полундра, ты спишь?

— Да уж разбудили, — отозвалась Вера Петровна.

— Баба! — заорали мальчишки. — Матрос-баба!

— Не баба, а женщина, — поправила Вера Петровна. — А вы откуда такие шустрые?

— А ты откуда?

— Я из Ленинграда.

Мальчишки притихли, медленно придвигаясь, сгрудились у нар.

— Вы в блокаде жили?

— В блокаде жила.

— И правда, что там прямо на улице люди с голоду помирали?

— Правда, мальчишки...

— А хлеба по сколько выдают?

— По двести пятьдесят и по сто двадцать пять граммов...

Мальчишки один за другим забрались на ее нары.

Поезд пошел, он шел и останавливался, снова трогался, замедлял ход, набирал скорость, а они все говорили о Ленинграде, и тут Вера Петровна рассказала замирающим слушателям все, чему была свидетелем и очевидцем.

Наблюдая потом, как ребяташки устраиваются, она определила среди них вожака: невзрачного, но весьма деловитого, напористого парнишку по имени Женька. Его уважали и слушались. Женька велел разыскать на ближайшей станции сено, и сено было добыто. Ребята выставли нары сеном.

— Матросу дайте побольше, — распорядился Женька.

Сена ей насыпали много, она лежала на нем, как на перине. Запах сушеной травы напоминал о детстве, о поле, об огородах.

— Пойду в эвапункт, получу хлеба, — поднялась с нар Вера Петровна.

— Отдыхайте, чего зря валенки трепать, — сказал Женька. — Огольцы сейчас постараятся.

Он послал несколько человек в эвапункт. Они вернулись с хлебом, овсом и конской колбасой. Ели все вместе, поровну, рассевшись на поленьях вокруг печки. Потом напились кипятку, подкинули дров в печку и разбрелись по нарам. Женька расположился рядом с Верой Петровной.

— А не спеть ли нам, огольцы? Жирный, затягивай морскую...

Тощий, как и все прочие, мальчик лет двенадцати запел ясным гибким голосом:

*На окраине в дальнем городе,
в семье боцмана я родился...*

Несколько голосов поддержали:

*И мальчишкою лет пятнадцати
на большой пароход нанялся...*

«Для меня завели морскую песню», — подумала Вера Петровна. Ей ужасно нравились эти мальчишки...

Они пели:

*Время первое было трудно мне,
но, проплававши юнгою год,
за веселую жизнь моряцкую
полюбил я большой пароход...*

— Детдомовские? — спросила она у Женьки.

— А как вы догадались?

— Повадка, — улыбнулась Вера Петровна.

— Откуда знаете?

— Сама одиннадцать лет в детдоме воспитывалась.

— Ого! Одиннадцать лет, — сказал Женька.
 — А вы сбежали, значит?
 — А что делать, — вздохнул Женька. — Мочи не стало. Хлеба нет, холод такой, что к стенке примерзаешь...
 — Куда же вы денетесь теперь?
 — У нас все научно продумано! — оживляясь, сообщил Женька. — В Тюмени есть ФЗУ, там у меня братуха учится. Станочников готовят. Токарей, слесарей, фрезеровщиков. Вот мы туда.
 — Значит, побег?
 — Если там, в детдоме, директоршу не убьют, к лету вообще все разбежится. Ее и председатель колхоза не уважает. Что она делает?

Только кричит да плачет, а добыть ничего не может.

— А если вас из Тюмени обратно отправят? Теперь с этим строго.

— Никто нас не отправит. Мы рабочими стать хотим. Пусть хоть что угодно делают, обратно не поедем.

Смолкла песня. На противоположных нарах играли в самодельные карты, шелкали друг дружку колодой по носам. Кое-кто уже спал.

Вера Петровна тоже решила заснуть. Теперь это получилось легко. Помечтала о Михалке, потом созданные воображением картины стали расплываться, и она уже не могла пошевелить рукой, засыпала.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Поезд долго стоял на глухом безымянном разъезде. Ребята раздобыли кокса и жарко натопили печку. Грызали полученную на предыдущей станции соленую рыбу и пили кипяток.

— Огольцы, а ведь сегодня Новый год будет, — сказал Женька.

— Что толку, — отозвался Жирный. — Тут степь, даже палочки не достанешь, не то что елочку. Мы и не узнаем, что Новый год. Часов у нас нету.

— Точно, — задумался Женька. — Матрос, у вас часов нет?

Вера Петровна предложила:

— А вы попросите машиниста погудеть в двенадцать часов.

— Мировая идея! — закричали ребята и посыпались из вагона.

Вернувшись, они стали выбрасывать из карманов куски кокса, завалили весь пол около печурки.

— Жутко долго уговаривали, — сказал Женька. — Согласился. Погужу, говорит, черт с вами. По ихним каким-то правилам не положено зря гудеть. Мы орем, что не зря, а на Новый год, а он толкует, что никакой Новый год в железнодорожных правилах не предусмотрен — и проваливайте. Ну, а мы не проваливаем. Ладно, говорит, леший с вами, погужу.

Поезд дотащился до маленькой станции, и мальчишки убежали надолго. Воспользовавшись одиночеством, Вера Петровна обтерла лицо снегом, встрясла и выколотила палкой на снегу верхнюю одежду. Вернулась в вагон, отогрела шинель на печке, оделась и легла на свое место, на мягкое, пахучее сено. Тут она впервые почувствовала жар и необычное кружение в голове, которое сперва было даже приятным.

Она не хотела верить, что заболевает. Этот жар просто, так, говорила она себе, к утру все пройдет.

Окончание следует.

В этом месяце исполняется двести пятьдесят лет одному из самых замечательных «именных указов» императора Петра I — указа, после которого в русской жизни появилось новое, до тех пор неслыханное явление — отечественная наука.

Трудно представить, что было время, когда науки в России не существовало. Ведь сейчас она пронизывает всю жизнь со-

временного общества. Каждый народ теперь сознает, что если он хочет развиваться, то ему надо иметь как можно больше ученых. Так рассуждают сейчас, — но этого даже представить себе не могли двести пятьдесят лет назад, когда Россией правил Петр I.

До Петра в России не было ученых. Земля пахала, моилитвы читала, в войске служили, в приказах и судах правили, бумаги переписывали — это считалось службой, делом. А наука — для чего она государству? Даже обычных учителей на всю громадную страну насчитывали единицами, и вдобавок у тех учителей всегда не хватало учеников: дворянские недоросли не хотели учиться, не видели в науках смысла ни для себя, ни для «государственной службы».

Проходили десятилетия, «Россия молодая, в боренье силы напрягая, мужала с гением Петра», и, наконец, дошел черед и до создания Академии. Друзья и советники Петра (среди них — крупнейший ученый тогдашней Европы Лейбниц) советовали царю обязательно создать в России Академию — на первых порах хотя бы из иностранцев, которые обучат русских юношей, способных к наукам.

Только через двадцать пять лет, в последний год своей жизни царь принял решение: 8 февраля (н. ст.) 1724 года в Петербурге издал указ о создании «Социетета десятиас и курезных художеств», то есть Российской Академии наук.

Первыми профессорами Академии стали иностранцы. В большинстве своем они оказались настоящими учеными, принесшими европейскую славу но-

вому научному центру: среди них был величайший математик Европы Эйлер, создатель новой науки — гидродинамики Бернулли и много других первоклассных специалистов.

По замыслу Петра была организована и Великая Северная экспедиция во главе с капитаном-командором Берингом — одно из величайших деяний в России XVIII столетия. Почти два десятилетия русские моряки исследовали дальние окраины своей Родины. Срубив парусные корабли на далекой Камчатке, они плыли на север, к Ледовитому океану, на юг, к Японии, потом на восток, к побережью Америки...

Другие отряды уходили по Оби на Таймыр, по Енисею к Лене к неведомому побережью Ледовитого моря. Менялись правители России, при дворе процветали грязная за власть, интриги, доносы, развлекались охотой и чудовищными пирами, а в это время русские моряки, позавыбыв все, упрямо и мужественно плыли под Андреевским флагом все дальше и дальше, на север, юг, восток... И рядом с ними на мостиках кораблей или на нотах в немалом трудных условиях полярных экспедиций работали ученые — русская академия профессора

Вот, наконец, победа. Отважные мореходы добрались до цели, указанной Петром, — открыли морской путь в Америку. Несколько часов у американского побережья, несколько смельчаков высажено посмотреть неведомую землю и — скорей назад, доложить о выполнении задания, данного два с половиной столетия назад.

Так на карте мира навеки
остаются Берингово море, Бе-
рингов пролив, соединяющий

два океана, Командорские острова...

Велика заслуга этих первых ученых.

Молодой историк и географ Г. Миллер изучал Западную и часть Восточной Сибири, адъюнкт, первый русский сотрудник Академии Крашенников описал Камчатку, академик Гмелин исследовал Прибайкалье и часть бассейна Лены. Эти люди всего через двадцать лет после открытия Академией подарил России первый в ее истории Атлас отечественных земель, попутно да описание многих российских народностей, их истории, быта, нравов... Лучшие географы Европы восхищались достижениями петербургских академиков.

Вскоре одним из руководителей Академии стал первый «природный русский академик» — Михайла Васильевич Ломоносов. Его деятельность — особая глава жизни академии, а здесь важно упомянуть лишь одно: действительный член Академии Ломоносов создал первый университет в России. Потом из Академии наук выделилась Академия художеств, возникли первые российские обсерватории, университеты, институты, научные библиотеки и общества, музеи и лаборатории.

И позже лучшие российские ученые, наследники традиций Ломоносова, твердо отстаивали свое право заниматься тем, что полезно родине, а не прихотями капризных и невежественных властей Российской империи.

Новая эра в работе Академии наук наступает после Великой Октябрьской социалистической революции. Изучение природных богатств страны достигает тогда небывало огромного раз-
маха.

Молодая Советская республика истощена, в ее хозяйстве разруха — результат первой мировой войны. В стране нет топлива, энергии, хлеба, вагонов, паровозов.

Страна напоминает Владимиру Ильичу Ленину солдата, изувеченного, избитого, бредущего на костылях.

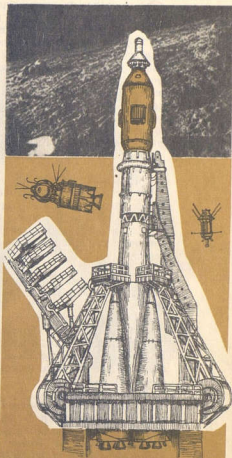
Как возродить страну к жизни? Как снова создать великую державу, еще более могущественную, чем когда-либо раньше?

Ленин знает: у России колоссальные богатства — в ее землях, ее недрах, ее быстро текущих водах. Но их надо найти, а найти нелегко. Это под силу только науке.

Уже весной 1918 года Ленин пишет «набросок плана научных-технических работ» — это широкая программа деятельности для Академии наук. Здесь предусмотрены и электрификация народного хозяйства, и поиски новых месторождений полезных ископаемых, и новые способы их добычи. И многое, многое другое.

Великая задача возрождения страны поручается ученым и инженерам. И вот первые шаги разрабатываются новые месторождения угля в Воркуте, нефти — в Ухте, создаются новые отрасли промышленности, начинают работать новые институты: физико-технический — в Петрограде, биофизический — в Москве, разрабатывается новый тип локомотива — тепловоз.

Со временем Академия выделит свои филиалы, вырастут новые институты, лаборатории, появятся новые шахты, заводы...
Открытие природных богатств — лишь одна и, может

Рисунки Н. Андреева

быть, не самая важная часть работы Академии. Вот более просчетливые реактивные самолеты — их konstruировал академик Тулопов. Ракетно-ядерное оружие непобедимой стеной окружало СССР — ее воздвигали Курчатов и Королев, Кикоин и Янгин и многие их ученики. В нашем приемнике работает транзистор — его впервые konstruировал в институте академик Иоффе. Вы раскрываете учебник истории — его написал для вас академик Чекинка. Работы наших академиков будут окружать вас всю жизнь в небе и на земле, на Море и в космосе. Вся жизнь ваша будет незримо пронизана их умом, знаниями, поисками и открытиями.

Они стояли на пороге, с ног до головы обсыпанные снегом, и первые темные струйки талой воды скапливались на полу. Способность различать цвета и звуки постепенно возвращалась к ним, и скоро стало понятно, что большой стол посредине вовсе не стол, а плита, что белые шкафы вдоль стен скорее всего холодильники, и вся комната не может быть ничем другим, как кухней ресторана или кафе. И верно — в стене напротив темнело узкое горизонтальное окно со стопками пустых тарелок.

Лавруша первый подошел и просунул в него голову.

— Есть кто-нибудь?

Голос его облетел полутемное кафе, заставленное рядами столиков, увешенное новогодними гирляндами, и одиноко вернулся обратно. Рядом с окном-раздачей была дверь, соединявшая кухню с кафе, но она оказалась закрытой.

— Куда же все подевались?

— Может, поужинали и разошлись. А кухню заперли снаружи. В санаториях рано ужином кормят.

— С чего ты взял, что это санаторий?

— Ну, дом отдыха. Стоит себе посреди леса, а мы и не слышали о нем. На первом этаже столовая, наверху спальни, библиотека, телевизор. Может, даже кинозал есть. Дом-то огромный, — видала?

Они прислушались.

Кинозал — такое объяснение вполне годилось. Все ушли смотреть фильм, и поэтому и пусто, и голосов не слышно, вообще никаких человеческих звуков. Только воеет за окнами и под потолком в неоновых трубках верещит электричество. А фильм, наверно, такой интересный, что все сидят затаив дыхание. И в нем нет ни взрывов, ни стрельбы, ни громкой музыки, поэтому сюда в кафе и не доносится ни звука. Такой мягкий лирический фильм с летними пейзажами, может, с морем, и на море яхты, красный надувной матрац качается на волне, на нем сидит белая птица, вертит головой по сторонам, оглядывается...

— Киля! — воскликнула вдруг Стеша. — Как тебе не стыдно?

— А фто такое? — Киля от неожиданности чуть не выронил бутерброд с ветчиной.

Он стоял у холодильника спиной к остальным, но даже сзади было видно, как у него оттопырились щеки.

— Немедленно положи назад. И не смей ничего брать без разрешения.

— А ефли я уже укусил?

— Все равно.

Киля перестал жевать, покосился на них, потом сунул руку в карман и прошамкал что-

пурга

над

„карточным

домиком“

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Игорь Ефимов

то такое, из чего можно было понять, что он не просто берет, а заплатит деньги, у него есть «вубль» — вот, пожалуйста.

— Все равно, это нехорошо, — не совсем уверенно сказала Стеша. — Некрасиво.

Киля немного подумал — хорошо или нет? — потом решительно положил рубль на полочку, запустил руку в холодильник и извлек еще один бутерброд.

— А правда, ребята, — протянул Лавруша. — От холода спаслись, не погибать же теперь от голода. У меня, например, тоже есть полтинник.

— Быка жареного — не знаю, а овечку бы я сейчас съел, — подтвердил Димон.

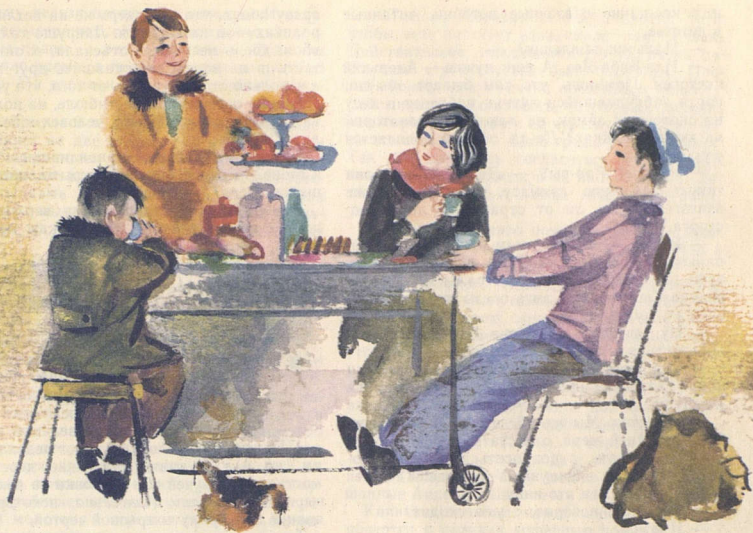
Они умолчающе посмотрели на Стешу.

Некоторое время она крепилась, но тут коварный Киля будто случайно распахнул — нет, не дверцу, а настоящие ворота огромного холодильника. Этого они не могли выдержать.

Чего там только не было!

Целые подносы с пирожными, блюда студня, украшенные нарезанными цветами из морковки, жареные котлеты, сыр, банки компота, горшочки со сметаной, золотистые копюшки, гирлянды сарделек, бутылки лимонада — и все это сверкало, манило, переливалось. Ну у

Продолжение. См «Костер» № 1, 1974 г.

Рисунки В. Топкова

кого хватило бы сил стерпеть такое? Во всяком случае, не у тех, кто завтракал в девять, а на обед съел кусок булки с семечками.

Десять минут спустя они уже пировали всю.

В дальнем углу Лавруша обнаружил ящик на колесиках и в нем термосы с горячим и сладким чаем. Какое это было блаженство! — сидеть, поскидав куртки и полушубки, за кухонным столом, чувствовать, как теплота разливалась внутри широкой волной, как начинают зудеть под притоком вернувшейся крови закоченевшие пальцы на руках и ногах, как расслабляются одеревеневшие мышцы. Деньги, какие у кого нашлись, лежали тут же рядом, — если кто войдет, пусть у него и мысли не мелькнет, что они какие-нибудь нахалы-налетчики.

— Нет, вы только представьте себе, что бы с нами было, если б не Кия! — разлагольствовал Димон, подливая себе чаю из термоса. — Разве кто-нибудь из нас сумел бы так вовремя подвернуть ногу? Да никогда. Мы бы тихо-мирно допелелись до своих Зипунов, и что? Степа был сейчас с выражением читала в клубе «Выхожу один я на дорогу», я бы по дружбе подсказывал ей пропущенные слова, а баб-

ка Агафья опять рыдала на строчке «но не тем холодным сном могилы» (нет, нет, Степа, драться нечестно!). Лавруша кормил бы своего хомяка и мечтал бы, мечтал...

— О чем?

— Ну, не знаю. О слоненке. Об удавчике. О домашнем зверинце. Я хочу сказать, что все было бы, как в прошлом году и в позапрошлом...

— Разве в прошлом плохо было?

— Подожди. Представьте теперь, что тот же Кия, усаженный на рюкзак и едущий по снежной пустыне, не глядит зорко по сторонам, а только плачет, стонет и охает. Что получится? Мы проходим мимо волшебной колес и пропадаем в дикой чаще. Мы не попадаем в этот волшебный дворец.

— Что в нем волшебного?

— Все! Все, начиная от скатерти-самобранки...

— Холодильника-самобранца.

— ...кончая тем, что тепло. Как в Крыму. Но знаешь ли ты, великий ломатель ног и открыватель путей, что на твоём месте я бы не торопился радоваться. Я бы не сидел с набитым ртом, не снял глазами и носом, а вспом-

нил кое-какие сказочные истории, читанные в детстве.

— Мальчик-с-пальчик?

— Или Баба-Яга. А еще лучше — Аленький цветочек. Помнишь, что там бывает обычно, когда заблудившийся путник набредет в лесу на сказочный замок, на такой вот санаторий на курьих ножках? Да-да, обычно появляется чудовище.

— Рр-ы-и! Ррр-ры! — Лавруша построил такую страшную гримасу, что Кия даже взвизгнул — то ли от страха, то ли от восторга.

— И добро, если над ним нужно только поплакать, — продолжал Димон. — Стеша с этим справится, их в театральном кружке специально обучают лить слезы по заказу. А если это чудовище...

— Ну, хватит, — сказала Стеша. — Тебе обязательно нужно меня обидеть.

— Чудовище или нет, а хорошо бы все-таки найти хозяина. Или хозяев, — поправился Лавруша.

— Успеется. Мы же убежать не собираемся. Я, по крайней мере, с места не двинусь.

— Не убежать, а попросить, чтобы они позвонили нашим в Зипуны. У них здесь должен быть телефон или что-нибудь.

— Ой! Мои, наверно, с ума сходят.

— И мои.

— А мы сидим тут, пируем, как в ресторане.

Я сейчас, — сказал Кия и захромал к раздаточному окну. Туловище его исчезло в полутемной щели, мелькнули ботинки, едва не сбив стопку тарелок. Через минуту он уже звякал то ли ключом, то ли задвижкой и открывал им дверь с другой стороны.

— Прощу!

Лицо его, несмотря на запугивания Димона, по-прежнему сияло.

Ребята встали из-за стола и один за другим пошли к дверям. Перед тем как перешагнуть порог, каждый задерживался на секунду — поправить волосы, вытереть губы, застегнуться. Кухня уже казалась им своей, домашней, само же кафе — полутемное и пустое — немножко пугало.

— Ого, вот это елочка!

— Не хуже, чем у нас в интернате.

— И картинки по стенам.

— Сатира и юмор.

— Смотри, какой старикан.

— Умора!

— А посредине-то круг, как стеклянный.

— Неужели для танцев?

— А то нет!

Они переговаривались почему-то шепотом и осторожно пересекали полутемный зал. Свет сюда падал только сзади, из кухни, и еще впереди святилась вертикальная полоска. Они дошли до нее, Димон подергал рукоятку и не

сразу понял, что эта дверь не на петлях, а на роликах — откатывается. Лавруша толкнул ее вбок, дверь неслышно отъехала, и они так и застыли на пороге, прижавшись друг к другу и невольно отшатнувшись от того, что увидели.

В ярко освещенном вестибюле, на полу, почти у их ног ничком лежал человек в белом халате.

Немного подальше, привалившись спиной к стене, — глаза широко открыты, остановившийся взгляд, — еще один.

Наверх шла лестница, и на верхней площадке, свесив руку в щель между прутьями перил, — третий.

5

То, что карта была цветная, особенно бросалось в глаза рядом с белым экраном, висевшим тут же на стене. Коричневые многоугольники города, синяя полоса реки и над ней — восходящими клубами зеленые пятна — лес. Паутина проселочных дорог редела к краям, но и там даже маленькие деревеньки, мостики через ручей или островки на реке были вырисованы очень тщательно, некоторые названия подчеркнуты красной чертой.

Такая же красная пунктирная черта шла от города в правый верхний угол.

Дымящаяся сигарета, зажатая в цепких пальцах, описав дугу вдоль этой черты, застыла на секунду в воздухе, затем вернулась в светлую гущу бороды и усов. Человек затаился и продолжал с середины фразы:

— ...обычная трасса нашего вертолета. При спокойной погоде летаем за тридцать — сорок минут. Можно было бы, конечно, и по прямой, но выигрыш времени пустяковый, а с наземными ориентирами гораздо хуже. Да и опуститься негде в случае чего — сплошной лес и сопки.

Бородач изобразил ладонью в воздухе, какие они неровные, эти сопки.

Его собеседник кивнул и что-то записал в блокнот. На нем была миллийская форма с новенькими погонами — капитан.

— Ну, а если буран? Снегопад? Такое, наверно, уже бывало раньше? И не раз.

— Тогда — вездеход. Он идет, конечно, не так быстро, но часа за три доползает. Груза поднимает столько же и вообще надежнее, но мы пользуемся им только в крайнем случае. Ближе чем на полкилометра к «Картонному домику» подъезжать ему запрещено. Так что приходится все перегружать в обычные сани и дальше тащить так — когда лошадей, когда вручную. Удовольствие, сами понимаете, маленькое.

— Да, кстати, я с самого начала хотел спросить: почему так далеко от города и от шоссе?

И почему нельзя близко подъезжать? И откуда такое название: «Карточный домик»?

— Вы правы — это существенно. Если бы позволяло время, я прочел бы вам подробную лекцию. Но времени нет — постараюсь покороче.

Оба вернулись к длинному столу, делившему кабинет на две равные части. Один конец стола был застелен листом ватмана и уставлен пепельницами, коробками с сахаром и печеньем, бутылками минеральной воды. Пожилая женщина с пышными седыми волосами, сидевшая там же, разлила по чашкам дымящийся кофе.

— Спасибо, Тамара Евгеньевна. Нет, сахара не надо. Может, товарищу капитану... То же нет? Боюсь, что за эту ночь нам предстоит опорожнить не один кофейник.

Он опустился в кресло и так сильно расправил плечи, что оленя на его свитере словно бы отбежали один от другого.

— Вы спрашиваете, почему «Карточный домик»? Видите ли, за последние десять лет в науке все чаще приходится пользоваться сверхчувствительными приборами. И, с точки зрения этих приборов, жизнь в городах — сплошная тряска. Проедет груженный самосвал, заработает где-нибудь по соседству отбойный молоток, и стрелки приборов немедленно начнут прыгать из стороны в сторону. Установите их на самом прочном, массивном фундаменте, им все равно будет казаться, что он постоянно дрожит, вибрирует, вздрагивает. И они отказываются работать в подобных условиях с нужной точностью.

— Этакie принцессы на горошине, — встал капитан.

— Вот-вот. Что же получается? Микроскопические колебания почвы и зданий могут исказить, свести на нет результаты тончайшего многодневного эксперимента. И добро бы только механические вибрации. А что творится в эфире! У вас есть радиоприемник?

— Конечно.

— Если у проезжающего троллейбуса сорвется штанга или нерадивая хозяйка в соседнем квартале устроит короткое замыкание, вы услышите потрескивание — и все. А для некоторых чувствительных радио- и телесистем это будет тем же самым, что, к примеру, для телескопа — птица, усеивающаяся на его объектив. Поэтому и было решено для всех таких сверхчутких, сверхтонких, сверхчувствительных «принцесс» выстроить специальный институт. Вдали от городов и дорог. На идеально спокойной земле. С идеально чистым, непотревоженным эфиром. Наш «Карточный домик».

— Наш? Вы все еще называете его нашим, — с раздражением сказала женщина.

Бородач раздавил в пепельнице окурки и успокаивающе похлопал ее по руке.

— Тамара Евгеньевна была против того, чтобы этот институт взваливали нам на шею. Действительно, тяжело. Но уж очень место для строительства было удобным. Промышленных предприятий поблизости никаких. Сейсмическая активность (отголоски дальних землетрясений) почти не чувствуется. И в эфире все спокойно — даже грозы редко бывают. Так что пришлось согласиться. До сих пор, кажется, справлялись, и не плохо, а тут... Тут такое дело, что без вашей помощи не обойтись.

Капитан задумчиво пощипал себя за переполицу, потом откинулся на спинку стула и протянул:

— Да, задача... Знаете, работа следователя даже в самых запутанных делах сводится, в общем, к известной схеме. Дано — некое случившееся событие (чаще неприятное). Требуется определить: как, когда, по каким причинам оно произошло. А здесь... Здесь даже неизвестно, случилось ли событие. Что там произошло, в вашем «Карточном домике»? И произошло ли? Ведь пока единственное событие, достоверно известное нам, — обрыв связи.

— И пропажа вездехода с водителем.

— И еще выстрелы у домика лесника, услышанные Андреем Львовичем по радиотелефону. Капитан положил перед собой блокнот и повертел в пальцах кофейную ложечку.

— Давайте еще раз по порядку. Первая версия, самая простая: в «Карточном домике» испортился передатчик. Радио — вещь хрупкая. Лампы, конденсаторы, питание... Раньше такое случалось?

— Да, один раз. Этим летом. Но тогда через полчаса починили. Честно говоря, и сегодня надеялись, что то же самое.

— Надеялись и поэтому не очень спешили что-нибудь предпринять?

— Видите ли... Это не так просто. Вертолет был как раз послан на задание. Там к северу у нас еще один филиал. Что же касается вездехода...

— Андрей Львович — вы опять?! — Тамара Евгеньевна возмущенно всплеснула руками. — Опять собираетесь всю вину взять на себя?

— С чего вы взяли?

— Вы опять заговорили тоном провинившегося школьника, готового у всех просить прощенья.

— Я, собственно...

— А вы? — Тамара Евгеньевна решительно повернулась к капитану. — Что вы имеете в виду под «не спешили предпринимать»? То, что директор научного городка в выходной праздничный день немедленно бросает все семейные дела и мчится в свой кабинет по первому знаку тревоги, — это называется «не спешили»? Через полчаса вызван обратно вертолет, организовано постоянное дежурство в радиорубке, вездеход снаряжен и направлен

топливом — тоже «не спешили»? А где искать водителя? И не любого, а такого, чтоб знал дорогу к «Карточному домику»? Ну, где? Где он проводит свой выходной, первый день нового года? Догадайтесь.

— С детьми гуляет?

— Холодно.

— С женой в кино?

— Еще холодной. Причем, холоднее в буквальном смысле. На подледной рыбалке — вот где. Пять километров вверх по реке. Попробуйте-ка отыскать его там, попробуйте оторвать от лунки этого маньяка, когда у него, видите ли, как раз начался клев.

— Ну, Тамара Евгеньевна, полно вам. Какой же Сазонов маньяк. Вполне солидный, надежный человек, опытнейший водитель...

— А когда вызванный вертолет наконец вернулся и еле смог приземлиться под навис-

шимся ветром, — по-вашему, надо было немедленно отправлять его в новый полет? На встречу пурге? Или оставить все другие попытки установить связь, а вместо этого преспокойненько усестись в кресле и, постукивая ложечкой по чашке, начать искать виноватых?

Капитан покраснел и отбросил ложечку так, что она скатилась с ватмана на полированную поверхность стола.

— Извините. Я, кажется, схлопотал выговор. Впрочем, вполне справедливый. Еще раз прошу простить.

— Давайте не будем отвлекаться, — смущенно теребя бороду, вмешался директор. — Мы рассматривали первую версию: случайные технические неполадки в передатчике. Какие у нас «за», какие «против»?

— Случайности, конечно, бывают на свете, и любая техника может отказать. Но почему

тогда замолчало радио вездехода? Совпадение случайностей?

— Последнее сообщение от Сазонова мы получили часа в три. Он сказал, что добрался благополучно, остановился, как положено, за полкилометра. Ничего необычного в «Картонном домике» не заметил, если не считать, что в некоторых окнах горит свет. Днем — немного странно? Правда, издали из-за начинавшейся пурги видно было плохо. Последние слова его были: «Оставляю вездеход, иду в сторону домика». И все.

— Вот видите. Значит, радио у этого рыболова работало нормально. То есть нет сомнения, что и с ним что-то случилось. Поэтому я считаю, что первую версию можно отбросить.

— Что же остается?

— Второе возможное объяснение: случилось что-нибудь серьезное. Взрыв. Пожар. Там хранилось что-нибудь взрывоопасное? Ядохимикаты? Радиоактивные вещества? Припомните подробно.

— Да, во второй лаборатории был уран. Но очень немного и вполне надежно упакованный. Бактериологи, вирусологи — эти слишком опытные и осторожны. Они вне подозрений. У химиков, кажется, нитроглицерин, но тоже чуть-чуть — в лабораторных дозах.

— А у Сильвестрова? — вмешалась Тамара Евгеньевна.

— Нет, у него ничего опасного.

— Но сам его аппарат? Эта мерзопакостная «Мнемозина»?

— Тамара Евгеньевна, — директор старался говорить подчеркнуто спокойно, не поднимая глаз от спящих пальцев. — Я вынужден третий или четвертый раз напомнить вам: ученый секретарь большого научного городка не может позволить себе поддаваться чувству личной антипатии к кому бы то ни было.

— Да я не личной! То, что этот Сильвестров мне малосимпатичен, не играет здесь никакой роли. Сама идея — вот что меня возмущает. И кто бы ни занялся ее разработкой, пусть даже вы, — я все равно была бы против. Залезать в человеческую память! Стирать в мозгу «ненужные» воспоминания. Ненужные? — да кто это может определить, какие нужные, какие — нет. И как только разрешили заниматься подобными исследованиями!

— Кто этот Сильвестров? — спросил капитан.

— Заведующий четвертой лабораторией в «Картонном домике». От Академии медицинских наук. Тамара Евгеньевна сильно преувеличила — никто не собирается вторгаться в человеческую память. Речь идет лишь о лечении психических травм или душевных расстройств, вызванных тяжелыми воспоминаниями. Об ослаблении отрицательных эмоций, когда они делаются опасными для здоровья.

— О да! Покончить с любым человеческим горем радио-механическими средствами. Прекрасная мысль!

— А что за аппарат у него? Как вы его называли?

— «Мнемозина». Так звали богиню памяти у древних греков. Он работает на принципе биорадиоволи. Вы, наверное, слышали о биотоках мозга? Это связано одно с другим, но биологическое радио — область новая и очень мало изученная. Идея Сильвестрова заключалась в том, чтобы при помощи своего аппарата устанавливать радиосвязь с клетками головного мозга, как бы нащупывать их частоты и затем включать глушащее устройство, добываясь того, что Павлов называл торможением некоторых участков коры больших полушарий.

— Действительно — выглядит довольно рискованно. Удалось ему чего-нибудь добиться?

— Безусловно. Правда, много времени ушло на отладку системы, монтаж, первые пробные опыты на животных. И все же прошлой весной он смог уже кое-что показать. Сильвестров демонстрировал любопытные феномены: собаку, дружно живущую с котом, лису — с курами.

— Дрессировка?

— В том-то и дело, что нет. Это сразу бросалось в глаза. Животные вели себя так, будто у них... Будто они снова вернулись в младенчество, стали щенком и котенком, лисенком и цыплятами. Видели в зоопарке площадку молодняка? Вот и у этих была точно такая дружба. Доклад произвел большое впечатление, но сам Сильвестров не выглядел довольным. «Да», — говорил он, — я могу снять память слой за слоем. Да, могу остановиться в любой момент и оставить животное в заданном возрасте — год, шесть месяцев, два. Но ведь задача состоит не в подавлении всей памяти — это было бы преступлением, — а в выборочном нащупывании болезненных мучительных воспоминаний. И до этого так же далеко, как в начале пути». Помню, сам он показался мне тогда очень усталым и измученным. Более подробно о его работе рассказать не смогу — не специалист. Да и вряд ли здесь в научном городке кто-нибудь сможет.

— Если не считать Русаде, — негромко произнесла Тамара Евгеньевна. — Она прилетела позавчера последним рейсом вертолета.

— Этери прилетела? Что ж вы сразу не сказали! Это ассистентка Сильвестрова, работает вместе с ним в «Картонном домике».

Капитан быстро повернулся к Тамаре Евгеньевне.

— А нельзя ее пригласить сюда? Где она остановилась?

— В том же здании, в другом крыле. Но боюсь, она уже легла спать.

— Даже если спит — придется разбудить. Голос его почти не изменился, лишь паузы между словами стали чуть подлиннее. Тамара Евгеньевна молча кивнула и вышла из кабинета.

Директор вытащил новую сигарету из пачки, вставил ее под усы и сказал:

— Мы пока рассмотрели лишь две версии. И почему-то упорно не хотим касаться третьей. А ведь она бы все объяснила.

— Вы имеете в виду нападение неизвестных злоумышленников?

— Да.

— Действительно — и выстрелы, и молчанье передатчика, и пропажа вздохода с водителем... Все укладывается в эту версию, и никаких противоречий не остается.

— Формально мы не имеем права полностью ее отбрасывать.

Директор встал, подошел к окну и некоторое время всматривался в летящую белесую муть с каким-то подобием надежды — не слабеет ли? Потом, пробормотав «у-у, стихия чертова!», быстро вернулся к столу

— Слушайте, товарищ капитан...

— Сергей Тимофеевич.

— Сергей Тимофеевич, а не слишком ли мы затянули наши обсуждения? Не пора ли нам кончить размышлять да прикидывать и перейти к делу. Собрать всю снегоочистительную технику, которая ползает сейчас по улицам, построить ее в колонну и бросить в поход во-о-он к тому маленькому квадратику в углу карты.

— Прямо сейчас? Ночью?

— Ночью, конечно, по бездорожью не идут. Но хоть первую четверть пути — по шоссе. Чтобы к рассвету были за мостом. Так сказать, на исходных позициях.

— Оставить город без защиты? Он к утру будет завален снегом по самые окна. Завтра рабочий день — никто не сможет попасть на работу. Прекратится подача воды, электричества, «скорая помощь» не приедет к больному, в магазины не привезут хлеб. Да что мне вам объяснять... Жизнь остановится.

— А если там остановится чья-то жизнь? Может, уже сейчас останавливается. И не одна. Там сорок человек.

Капитан помолчал, посмотрел на карту, на белый экран, потом отпил глоток остывшего кофе и задумался, разглядывая узор на чашке — серебряные листья по темно-синему фону.

— Знаете, Андрей Львович, я вспомнил сейчас одну историю военных времен. Может, она не совсем к месту, но все-таки... Начало второй мировой войны, 1940 год. Фашистская Германия захватила уже Австрию, Чехословакию, Польшу. И явно не собирается остановиться на этом, готовит новые удары. Но где?

В каком месте ждать нападения? И вот английская разведка получает сообщение: завтра, 9 апреля, немцы высадятся в Норвегии. Что ж, английский флот гораздо сильнее немецкого. Стоит только перебросить его от берегов Англии к берегам Норвегии — и любой немецкий десант будет разгромлен. Но сообщение о высадке только одно — от одного единственного агента. А что, если он ошибся? Или подкулен? И удар на самом деле готовится по самим Британским островам? Вот я назначаю вас командующим английским флотом. Отдали бы вы приказ идти к Норвегии? Рискнули бы оставить без защиты свой берег?

— Не знаю. Ответственность, конечно, ужасная, но... Наверно, я... Впрочем, нет. Приказал бы не двигаться с места.

— Вот и английское адмиралтейство поступило так же.

— И что?

— 9 апреля 1940 года все основные города и порты Норвегии были захвачены немцами одновременным ударом с моря и с воздуха.

— Ага! — вот видите. Пример оборачивается против вас.

— Возможно. Я только хочу сказать: что бы мы ни решили, ответственность все равно ляжет на нас. И огромная. Но до утра мы все равно бессильны. Единственное, что нам пока остается — думать. Перебрать все возможные варианты. Чтобы те, кто утром отправится на помощь, хотя бы знали, что их может ждать. Чтобы, по крайней мере, их не постигла судьба водителя вздохода.

— Что значит «те, кто отправится»? Да я сам...

В это время дверь открылась и директор быстро пошел навстречу вошедшей вслед за Тамарой Евгеньевной девушке — маленькой, черноволосой, шубка наброшена на плечи, тоненькая рука сжимает меховой воротник у горла.

— Этери, до чего вы кстати! Вы просто не представляете, как вы нам нужны.

Девушка, шуря на яркий свет, слабо улыбнулась ему, но вдруг, заметив за столом капитана, чуть отшатнулась.

— Милиция? Что-нибудь случилось? Почему вы меня не предупредили про милицию?

Тамара Евгеньевна молча пожала плечами, взяла пустой кофейник и вышла из комнаты.

До сих пор Стеша считала, что на свете нет и не может быть ничего страшнее, чем выйти на сцену и забыть слова роли. Когда такое случилось, просыпалась, как от кошмара.

Лавруше нынешним летом пришлось своими руками пристрелить истерзанного совы зай-

чонка — в его жизни это было пока самое страшное. Димон боялся зубного врача, но в сто раз сильнее боялся, что Стеша узнает об этом. Кля уже привык ко всем своим несчастьям и боялся лишь одного: подбегит он однажды утром к своим новым друзьям, а они ему снова скажут «не ходи за нами». То есть каждый из них уже имел какое-то понятие о том, что значит «страшно», «очень страшно», «мороз по коже».

Однако такого переживать им еще не приходилось.

Они попятились обратно в кафе, задвинули дверь и замерли там в полутьме, тяжело дыша и стараясь хоть локтем, хоть костяшками пальцев касаться друг друга.

— ...ак он... ак он на меня... оглядел... — прошептал Кля, проглатывая половину согласных.

Стеша нашла руку Димона, вцепилась в нее и с надеждой заглянула в лицо:

— Дим?... А они живые?

— Не знаю. Надо бы посмотреть.

— Ой, не смей! А вдруг нас заметят?.. Те, другие.

— Кто?

— Которые это сделали.

— Ты думаешь, что кто-то пришел раньше нас и...

Они прислушались.

Полумрак и тишина кафе, казавшиеся раньше уютными, теперь грозно надвинулись на них; от воющей черноты за окном опять повеяло жутью. Даже елочные украшения превратились в десятки злых глаз, мерцающих из угла.

Лавруша тем временем, согнувшись и бормоча что-то себе под нос, возился с дверной ручкой — приматывая проволокой к крюку в стене.

— Готово. Теперь не войдут.

Димон скептически покосился на его работу и прошептал:

— Дернут сильнее — и отлетит.

Все же за запертой дверью было спокойнее. На всякий случай они отошли подальше.

— Никогда не думала, что от страха может быть так больно внутри, — сказала Стеша. — Хуже, чем операция без наркоза.

— Без наркоза сейчас не делают.

— Мне делали, — сказал Кля. — В горле. Но там быстро, раз — и все. А тут...

— Эх, ружьишко бы какое-нибудь. Хоть подвое. Или дедушкину двустволку.

— Зачем тебе?

— Попугать, если кто войдет.

— А может, они просто отравились все? Может, съели за ужином какую-нибудь дрянь и не заметили.

— Ага. Или сонная болезнь. Может, здесь какого-нибудь снотворного газу напущено.

И мы тоже через пять минут повалимся все и будем лежать так на полу. Без-ды-хан-но.

— Вот и надо что-то предпринимать. Пока еще не поздно.

— А что? Убежать? Опять в лес, на ветер?

— Ну, нет. Еще неизвестно, что страшнее. Замерзнуть или тихонько заснуть от газа.

— Тсс-с-с... Слышите?

Они замерли, подняв лица к потолку.

— Что там?

— Кто-то ходит.

— Ерунда... Послышалось.

— Ну, хватит, — Димон встал и задернул «молнию» на своей куртке. — Чем сидеть здесь и трястись без толку... Я пойду посмотрю.

— И я с тобой, — подпрыгнул Кля. — Можно?

— Ишь какой пряткий стал. А нога?

— Плевать я на нее хотел, на ногу.

— Нет, — подумав, объявил Димон. — Раненые и женщины останутся здесь. Лавруша, идешь?

— Раз я не раненый и не женщина...

— А вы — заприте снова за нами. И никого — слышите? — никого чужого не пускайте.

Стеша хотела что-то возразить, но они замахали на нее и поспешно, словно боясь растерять свою решимость, отмотали дверную ручку и выскользнули в вестибюль.

...Человек лежал все так же — одна рука подогнулась под туловище, другая вытянута вперед. Будто плыл посуху кролем и голову вывернул специально набок, чтобы глотнуть воздуха. От начинавшей лысыни лоб казался вдвое больше нормального. Димон, стараясь не глядеть в двух других, присел рядом и ощупал эту выброшенную вперед руку.

— Не знаешь, где пульс должен быть?

— Не знаю, — прошептал Лавруша. — У меня вот здесь: на запястье под часами.

— Ага, нащупал. Сла-а-абенький...

— Все-таки живой.

Набравшись духу, Димон взял лежащего за плечо и сильно потряс.

— Эй, очнитесь, пожалуйста. Что с вами? Вы ранены, да?

Тот даже не пошевелился. Только голова его безвольно перекаталась по полу со скулы на ухо и вывернулась еще сильнее. Правда, никаких следов крови ни на одежде, ни на полу вокруг не было заметно.

— У Стеши в рюкзаке есть одеколон, — сказал Лавруша. — Она всегда вместо йода с собой одеколон носит. И стрептоцид. Может, сходить?

— Нужен ему сейчас твой одеколон. Давай лучше посмотрим, что с другими.

Они перешли к тому, который сидел у стены с открытыми глазами. Он тоже был жив и

негромко дышал сквозь сжатые зубы. Пижамная куртка с вышитой на кармашке буквой «Д», мягкие домашние брюки, шлепанцы на босу ногу. Казалось, человек только что встал с кровати и спустился вниз посмотреть, что происходит.

Высоко поднятые брови придавали выражению его лица что-то детское.

Возникло впечатление, будто он просто очень крепко задумался и достаточно лишь чему-нибудь живому попасть под его остановившийся взгляд, как он придет в себя. Но нет, — Димон и Лавруша по очереди, преодолевая жуть, заглядывали ему в глаза, но они оставались такими же неподвижными, смотрели сквозь них в пустоту.

Около третьего, лежавшего на лестничной площадке, можно было не задерживаться. Та же неловкая поза, то же детски-удивленное выражение лица. Одет он был в ватник и сапоги, и рядом валялась меховая шапка с блестящим значком — скрещенные дубовые листья.

— Лесник, — прошептал Лавруша.

— А вот и двустовка, — обрадовался Димон

Действительно — подальше, из-под самых ступеней выглядывал обшарпанный приклад старой «тулки». Димон поднял ее, нажал на рычаг, надломил ствол. Блеснула красная медь двух нестрелянных капсюлей.

— Заряжена...

Они переглянулись.

Лавруша сжал губы и решительно заматол головой. Димон вздохнул, положил «тулку» на место и прикрыл ее краем лестничного ковра.

— Мне отец наказывал, — как бы извиняясь, объяснил Лавруша. — Руки трясутся — за ружье не берись.

Димон вытянул руку и посмотрел на пальцы. Они заметно дрожали.

От площадки, где они стояли, лестница делала поворот и поднималась дальше к стеклянным дверям второго этажа. За ними налево и направо уходил пустой коридор, выглядывала ярко-зеленая ветвь какого-то растения. Пока они медленно, одну за одной одолевали оставшиеся ступени, растение открывало им все новые и новые ветви и на самом верху показало, как подарок, как приз за восхождение, роскошную гроздь желтых цветов.

— Если и там одни полотрупы валяются... — пробормотал Димон.

— Тогда что?

— Не знаю... Уж лучше бы хоть чудовище — только, чтоб живое.

Они подошли к стеклянным дверям и осторожно выглянули — один направо, другой налево. Направо ничего не было видно из-за растений, из-за этого экзотического, назло пурге цветущего дерева в кадке; Лавруша повернулся и тоже стал смотреть налево.

Почему-то с первого взгляда делалось ясно: нет, это не санаторий. И не дом отдыха.

Хотя и дальше по стенам висела всевозможная зелень, и кое-где висели картины, и пол застлан ковром, невозможно было усомниться в том, что все здесь устроено для дела, что здесь — работают.

Самым не санаторным были два никелированных рельса, проложенных под потолком по всей длине коридора. Под ними через ровные интервалы темнели проемы дверей, обитых кожей, на каждой — табличка. То ли полка, то ли подвесная скамейка застыла в воздухе неподалеку от лестницы. Она была зацеплена двумя роликами за рельсы. Получалось что-то вроде маленькой подвесной железной дороги.

И ни души.

Ни на полу, ни у стены, ни за цветущим деревом вплоть до окна, темневшего в дальнем конце коридора, не было ни одного человека — ни лежащего без чувств, ни сидящего, ни идущего.

— Никого, — прошептал Лавруша. — Слушай, а вообще-то мы хотим кого-нибудь найти? Или наоборот — хотим, чтоб никого не оказалось? Я уже не знаю, чего хотеть.

— Конечно, найти.

— Кого?

— Кого угодно. Пусть даже не совсем живого, но чтобы говорил. Чтоб объяснил, что у них происходит.

— Может, за этой дверью... Или за той?

— Может быть.

— Только давай не стучаться. Послушаем и ни ве.

Димон пожал плечами — там видно будет — и ступил в коридор. Нога его сразу утонула в чем-то очень мягком. Видимо, весь пол был устлан толстенным поролоновым ковром. Лавруша вошел след за ним, невольно заулыбался от этой неожиданной мягкости под ногами, потом приблизился к подвесной скамейке и прочел написанное на ней объявление (почти в стихах):

«Любимый груз весом больше пяти килограмм ты нести не должен сам. Положи его сюда и доедешь без труда».

«Без труда» кто-то зачеркнул и написал сверху карандашом: «вовсего».

Мягкий пол, зелень и тишина кругом, шутиливое объявление — от всего этого Лавруша так осмелел, что сам уселся на скамейку-сиденье и легонько оттолкнулся ногой. Ролики зашуршали по блестящим рельсам. Сиденье стронулось и беззвучно понесло Лаврушину «больше пяти килограмм» вдоль стены, мимо дверей с табличками: «ЛАБ. ВИБР.», ЛАБ. СЕЙСМ., «ЛАБ. ХИМ.», «РАДИОЛАБ.» и так далее.

Димон, утупая по щиколотку в ковре, шел рядом и пробовал нажимать на дверные ручки.

Ни одна не поддавалась.

Картины, висевшие по стенам, оказались по большей части фотографии в рамках: цветок одуванчика, сосульки со сверкающими каплями, гроздь еловых шишек, лось в кустах, летящий тетерев. По-видимому, люди, работавшие во всех этих ЛАБах, так уставали за день возиться со своими колбами, приборами, окулярами и проводами, что им хотелось, чтобы уже в коридоре глаз их отдыхал на чем-то другом — живом, солнечном, растущем.

Темное окно по мере приближения к нему начинало отсвечивать морозными узорами. Димон нажимал на ручки дверей все решительней. Он было уже совсем уверился, что на этом этаже никого нет, поэтому, когда последняя дверь внезапно поддалась, невольно вздрогнул.

Лавруша, ехавший следом, тихо ахнул, зажал себе рот рукой, сполз со скамейки. Оба замерли, уставясь на табличку «ЛАБ. БИО-КОНТР.».

Но нет, ничего дурного пока не произошло. Наоборот, в образовавшуюся щель потянуло таким нестрашным животным запахом (ко-нишня? коровник?), что они почему-то с облегчением вздохнули и почти без страха переступили порог.

Маленький домашний зоопарк — вот чем казалась эта комната на первый взгляд. По стенам одна на другой стояли клетки, вернее, просторные деревянные ящики, обтянутые с открытой стороны проволоочной сеткой. Большинство животных спало. Несколько птиц наверху перепорхнули с планки на планку, но как-то неумело. Одна даже сорвалась и судорожно попыталась взлететь обратно, испуская негромкое жалобное щебетание.

— Гляди, — ахнул вдруг Лавруша и потянул Димона к нижней клетке справа.

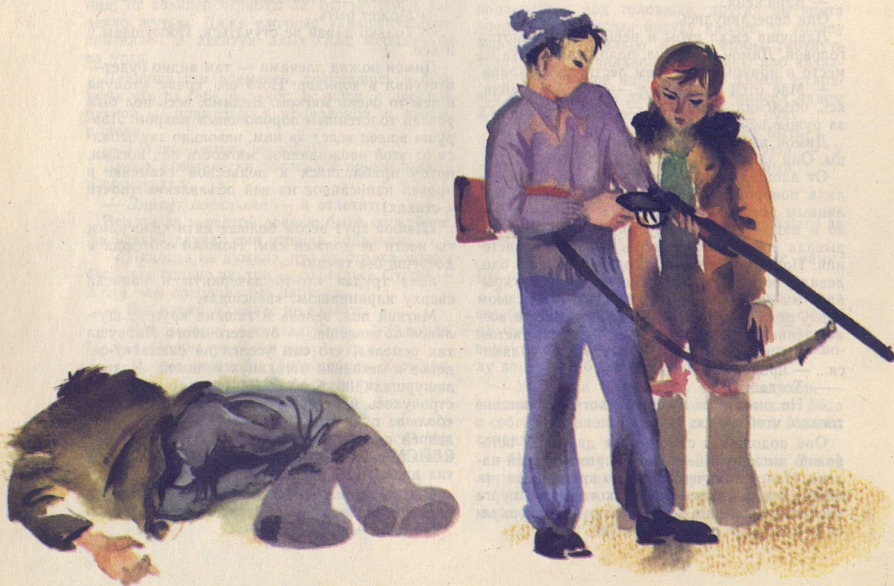
— Чего? — не понял Димон. — Лиса как лиса.

— А там, в глубине.

Они присели на корточки и ясно увидели в полумраке за свернувшейся кольцом лисой двух кур, преспокойно клевавших зерна, засыпанные в деревянный желобок. Рядом же, через стенку от них, в пушистом посапывающем комке из лап, хвостов и голов ясно можно было разглядеть нечто еще более поразительное: двух кошек, спящих в обнимку с довольно здоровой дворянкой.

— Чудеса дрессировки, — пробормотал Димон.

— Да, если только... — начал было Лавру-

ша, но так и застыл, скруглив губы на букве «о».

Ибо в этот самый момент они, наконец, услышали у себя над головами то, чего все время ждали и надеялись не дожидаться, хотели услышать и боялись — явственные человеческие шаги.

Одних этих шагов было бы достаточно, чтобы заставить их сердца колотиться с сумасшедшей скоростью. Но будто кто-то решил испытать предел их храбрости, самообладания и выдержки: сразу вслед за шагами наверху раздался неясный шум, стукнуло распахнувшееся окно и грохнул выстрел.

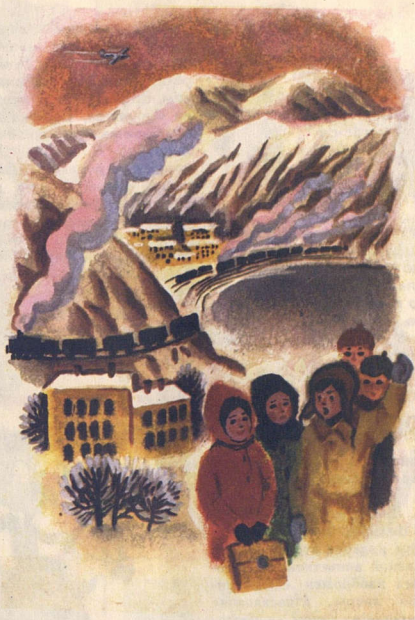
Лиса открыла глаза и вскочила на ноги, насторожив уши.

Куры заклохтали и забегали вокруг ее лап, будто ища защиты.

Прошло еще несколько секунд, наполненных бешеным стуком сердец и прерывистым дыханием, и наверху грохнуло еще раз.

Этот второй выстрел хлестнул по их натянутым нервам как кнутом. Не помня себя, не взглянув друг на друга, Димон и Лавруша бросились бежать, вылетели из комнаты-зоопарка, краем глаза заметили какое-то странное красное свечение за морозными узорами окна, но, не успев даже задуматься — откуда оно? — вихрем пронесли по коридору мимо фотографий, мимо дверей, мимо самоходной скамейки и выскочили на лестницу как раз в тот момент, когда по ней сверху — да-да! прямо на них! и уже не спрятаться, — в расстегнутом комбинезоне и унтах, меховой капюшон откинут назад с молодого усмехающегося лица, спускался человек — огромный, широкоплечий, — с большим черным пистолетом в опущенной руке.

*Продолжение
следует*

ИЩЕМ КАМЕНЬ АПАТИТ...

Т. Филиановская

*Рисунки
Т. Соловьевой*

Однажды пятиклассники школы № 7 г. Кировска, что на Кольском полуострове, получили письмо из Германской Демократической Республики.

Классный руководитель Маргарита Георгиевна перевела письмо на русский.

«Я минералог, — писал немецкий инженер Хорст Людеке. — Живу в городе Безалицогене. У меня большая коллекция кристаллических минералов из СССР, а вот апатита с Кольского полуострова нет...»

Конечно, ребята загорелись желанием послать немецкому ученому этот камень. И рассказать историю своего родного города, которую они так хорошо знают...

На поиск камня вышли звеньями. Только вот как искать?

Девочки поступили просто. Одно звено отправи-

лось в горный музей Дома техники, другое — в минералогическую лабораторию комбината «Апатит». Подробно рассказали о письме из ГДР. Просили помочь найти именно такой камень, о котором писал инженер Людеке.

А мальчикам захотелось самим найти этот камень. Сначала искали возле бункера на обогащательной фабрике, потом отправились в поход. Толя Филиппов, Сережа Алексеев, Сережа Мельников и Саша Яковенко. С отвалов Расумчорского рудника ребята принесли целый мешок камней. Стол Маргариты Георгиевны в кабинете немецкого языка завалили камнями всех видов. Зеленый, дымчатый, беловатый, голубоватый — всех оттенков и форм!

Камни разделили по группам, от каждой взяли по образцу. Оля Акулова отнесла образцы маме в минералогическую лабораторию. С нетерпением ждали результатов анализа.

Ура! Апатит найден.

Девочки тоже не отстали. Им подарили два камня в Доме техники. Вместе с учителем труда Павлом Александровичем Пастухом мальчики выпилили отличный деревянный ящичек для посылки.

...И вот посылка готова. Камни упакованы в вату. Кто-то принес открытки с видами старого и теперешнего Кировска. Написали коллективное письмо. А на Совете дружины ребята получили благодарность за работу на маршруте «Мир и солидарность».

ОСЕЛ-БУМЕРАНГ

Французский критик Фрерон разругал с успехом шедшую на сцене трагедию Вольтера «Мерона». Желая отомстить Фрерону, Вольтер напечатал великодушное издание этой трагедии с заглавной виньеткой, на которой был изображен осел, щиплющий лавры. Иносказание было простым: лавры — поэтическая слава Вольтера, осел — непочтительный критик.

Взбешенный Фрерон написал статью, в которой похвалил издание и отметил, что оно сопровождается портретом автора.

Рисунки
М. Беломлинского

Вольтер оценил находчивость критика и... постарался скупить все экземпляры книги.

ОСЕЛ-ОБИДЧИК

Друзья Сократа были недовольны тем, что он равнодушно снес обиду одного вздорного человека.

— Если бы меня лягнул осел, неужели бы я пошел жаловаться на него в суд, — ответил Сократ.

ОСЕЛ-ТИТУЛ

Сиаковский король Лагу однажды был разбужен ревом осла. Это спасло его от верной смерти, которую готовили ему заговорщики, пробравшиеся во дворец. Повелитель в знак признательности к длинноухому приказал, чтобы в его государстве осел был почитаем за священное животное и чтобы имя

его давалось людям отличившимся, служило указанием высшего сана.

Вскоре по обнародовании этой воли его сиаковского величества ко двору прибыл иностранный посланник. Оберцеремониймейстер доложил о его приезде следующим образом: «Могущественный Лагу, повелитель вселенной, царь белых словов, блюститель правосудия и хранитель священного зуба! Прибыл превеличайший осел и желает предстать пред светлые очи твоего величества!»

Король махнул рукой, и посол, пожалованный в осла, был допущен в королевскую палату.

ЗАЯЧИЙ ЗАМОК

Зайцы тачку нагрузили,
По тропинке покатали.

Первосортных шишек груды
На полянку привезли —
Вырос замок, просто чудо,
Просто как из-под земли.

Шишка к шишке. В замке новом
Крыша с запахом сосновым.

А у входа в тот же миг
Встал на стражу боровин.

Он рубака настоящий:
Ус длиннющий, меч блестящий.

Лисы! Волки!
Вам теперь
Не проникнуть в эту дверь!

*М. Вайнцвайтис
Перевел М. Еремик
Рисунок Т. Капустяной*

8

УГОЛЕК

№ 2

В паро-авто-велолёт
Уголёк друзей зовёт:
— Эй, читатели, за мной,
едем по стране родной!

Вот пред нами появились
стены, башни и мосты —
это в древний город Вильнюс
с Угольным приехал ты.

*Рисунок
Т. Капустяной*

Эй, прячьтесь!
Большие звери и зверьки.
медведи, лоси и хорьки,
эй, прячьтесь!
Эй, великаны, прочь с пути!
Позвольте маленьким пройти!
Эй, прячьтесь!

Рисунок Б. Семенова

УТРО

Вот солнышко восходит
и разгоняет тень, тень, тень!
Вот падают росинки,
и наступает день, день, день!

ВАРИЛИ КАШКУ

НАРОДНАЯ ЛИТОВСКАЯ ПЕСНЯ

Мы варили кашку:
Тому дали чашку,
Тому дали ложку,
Тому дали плошку,
Тому целый котелок.
Ели-ели две недели,
Еле-еле всю доели,
Каждый спопал, сколько смог.
А про мышку мы забыли,
Мышку мы не накормили.
Мышка хвостиком махнула,
Побежала в закрома:
„Позаботиться могу ведь
О себе я и сама!“

Рисунок Т. Капустиной

2

Бедный мопсик! — Пес Барбос
Миску с костью отобрал.
Как тебе не стыдно, пес,
Обижать того, кто мал?

Рисунок А. Орлова

ДЯТЕЛ

Дядя Дятел делом занят:
по рябине барабанит.
Он приплясывает лихо,
но кричит ему Дятлиха:
— Принеси, в конце концов,
хоть букашку для птенцов!

7

Марш Дилидон!

Дили-дили-дилидон
впереди ведет отряд.
Дили-дили-дилидон!
Каждый встрече с нами рад.

Протянул зайчонок лапку,
белый гриб приподнял шляпку,
улыбнулся муравей,
свистнул в роще соловей.

Зазвенел от песен воздух,
будем мы яички в гнездах
красить в разные цвета,
то-то будет красота!

Дили-дили-дилидон
утром в лес ведет отряд.
Дили-дили-дилидон!
Вечерком придем назад!

Перевел А. Лосев
Рисунки Б. Семенова

6

ПЕСНИ ГНОМОВ

Многие из вас читали сказочную повесть „Гномы из контр-баса“ — она издавалась на русском языке. Казиме Сая написал продолжение этой книги. Она тоже переведена на русский язык и озаглавлена так же, как первая песенка гномов:

Вот мы идем, за гномом гном,
и громким голосом поем:
эй, прячьтесь!
От ваших лап или копыт
опасность гномам грозит.

3

В ХОЛОДНОМ МОРЕ

Николай Рыжик

РАССКАЗЫ

Рисунки Е. Галеркиной

ЧАЙКИ

Чайки живут в море. А вот где же у них дом? Тоже в море? На волнах?

О чайках говорят, что это души погибших в море рыбаков. Это, конечно, выдумка, но когда чайка безмолвно парит над волной, подстраиваясь под ее бег, так и хочется верить, что это душа погибшего в море рыбака. Летает она над морем и никогда не расстается с ним.

Но вот однажды довелось мне узнать, где у чаек дом.

Шел я по тундре. Была середина лета. Над озерами и болотцами летел пух, разносились крики гагар, криканье уток, гогот гусей. Птицы барахтались в траве и воде, шумели, ничего не замечая вокруг. Да и я, в общем-то, не обращал на них внимания.

Под ногами, между мшистых кочек, по прочным крохотным озеркам, шныряли утята. Те, кто повзрослее, улетаывали, перепуганно хлопая по воде слабыми крылышками.

Вдруг воздух надо мной словно разорвался. Поднял я голову и тотчас вжал ее в плечи, закрывшись рукой, — прямо на меня пикировали две чайки. Кричали они страшно, глаза у них были выпучены, когти выпущены. Я еще сильнее вжал голову в плечи и крепко зажмурился.

Они пронеслись надо мной, чиркнув крыльями по моей шапке, и опять взмыли вверх. Набрав высоту, опять распустили когти — и на меня...

Чем же я перед ними провинился?

Я присел еще ниже... И тут увидел: возле моих сапог плавают два крошечных птенца. Большоголовые, большеносые, покрытые ре-

деньким серым пушком, сквозь который просвечивает фиолетовая кожица. Один из них, перебирая ножками, подплыл к сапогу, долго смотрел на него, затем откинул голову назад и клюнул. Тупой носик беспомощно соскользнул по сапогу.

«Ти-ти, ти-ти», — заверещал малыш, обращаясь к своему братцу. Он будто говорил: «Смотри, мол, брат, какая штука». Тот тоже подплыл к сапогу, так же откинул голову, долго целился и так же клюнул. Затем они тесно прижались друг к другу, глядя на сапоги, и стали переговариваться — ти-ти, ти-ти, — будто решили что-то. А мама-чайка и папа-чайка бросались все в новые атаки.

Я поскорее ушел. Мама и папа кинулись к малышам. Мне было слышно, как нежно ворковала мама, ворчал папа. А малышки пищали: «Ти-ти-ти...» Наверное, рассказывали про происшествие.

Возвращаясь на сейнер, я думал о чайках. Всю жизнь они проводят в море — как и настоящие рыбаки, и дом у них — на берегу, как положено.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ НЕРПЫ

Над морем стоял густой туман. Солнышко висело где-то над ним и не могло пробиться сквозь пелену густого, мокрого воздуха. Отсырела одежда, потными стали переборки и палуба. На антенне и вантах туман повис серебряными капельками.

Мы чинили трал. Он зацепился за камни на грунте и порвался.

У борта в молочной мгле, втянув желтоватые головки, сидели нахохленные чайки. Им было лень летать по тяжелому воздуху, и они дремали.

Впрочем, дремали не только чайки. Дремало все: море, рыба на палубе, наш сейнер. Дремал, поникнув, флаг на мачте. И нам самим — привалиться бы на мягкий брезент и закрыть глаза...

Но солнце стало разедать туман. Он таял, повисая в теплом воздухе рваными тучками, и скоро совсем исчез. Только вдали еще прятал черту горизонта и синь неба.

Прошло и наше дремотное настроение. Вокруг блистало на солнце синее море.

Птицы проснулись. Чайки, потягиваясь, распрямили крылья и понеслись над морем; топорки, отыскивая в море еду, занялись нырянием, а бакланы молча перелетали с места на место. Нерпы закувыркались: они высывали из воды усаые собачьи морды, вертели ими из стороны в сторону, с плеском прятались, подныривая под сейнер.

— Вот непоседы! — сказал Мишка. — И как им только не надоест?

— Что надоест-то? — спросил Василий.

— Ты посмотри! — Мишка подошел к борту. — Ведь ни на секунду не остановится. Как заводная.

— Такая уж она, нерпа, — сказал Василий.

Действительно, нерпы были будто заводные: они ныряли, через секунду, поднимая нос, высикавали, фыркали, шевелили усами, приглашая присоединиться к их игре, кивали и, блеснув на солнце пятнистыми спинами, исчезали.

Василий направился в кубрик.

— Вася, принеси ружье! — попросил Мишка.

— Зачем?

Василий принес не ружье, а баян. Он уселся на бухте каната, подбирая мелодию, пустил пальцы по клавишам.

— Ребята! Ребята! — встрепенулся Мишка. — Нерпы-то!..

Нерпы замерли. Подняв головы, черными глазами-бусинками уставились на нас. Все как одна.

Василий сдвинул баян, мелодия оборвалась на середине фразы. Нерпы завертели головами, сердито зафыркали. Недовольные такие стали, озабоченные.

— Во дела! — сказал Мишка и засмеялся. — А ну еще, Вася!

Василий снова заиграл. Нерпы насторожились, потом стали подплывать ближе. Окружили сейнер и, замерев, смотрели на нас.

На другой день мы ушли в порт сдавать улов.

БАКЛАН

Ох, какой же он злой был! Ужас! Колотил здоровым крылом, цапалась — коттищи, как грабли. Раскрыв клюв, орал так, что перепонки у нас чуть не лопались.

Он попал к нам в невод — запутался в верхней подборе, — рыбу воровал. Крыло у него было сломано, нога вывихнута. Как он вообще жив остался? Ведь море было штормовое, и верхнюю подбору невода сжимало и растягивало, как гармошку. Да и захлебнуться мог.

— Ну что, воришка, попался? — Мишка хотел взять его на руки — и тут же схватился за нос: баклан, изловчившись, кусанул Мишку. — Паршивец! — Мишка побежал в кубрик за йодом.

А баклан лежал на куче невода и злобно смотрел на нас. Крыло беспомощно висело, больная нога была вывернута назад и как-то в сторону.

Не подступишься! Василий подкрался сзади, схватил птицу и отнес в подшкиперскую.

Мы выбрали невод и занялись бакланом: вправили ему ногу, составили переломанные косточки в крыле, прибинтовали их к палочке. А крыло привязали к боку, чтоб не трепыхалось.

Мишка носил ему в подшкиперскую рыбу — и свежую, и жареную, носил хлеб, кашу, воду. Все глотал баклан. Особенно рыбу: какую толстую рыбину ни принесешь, он проглотит в один миг — шея так и раздувается. Не зря на судне тех, кто быстро ест и пищу глотает нежеванной, называют бакланами.

Жил он у нас целый месяц. И никого не подпускал. Только ты к нему — он уже раскры-

вает клюв. Чуть зазевался — и ходи с шишкой.

Через месяц боцман сказал:

— Давайте снимем ему шины.

— А вдруг крыло не срослось? — возразил Василий. — Лучше подождать, чтоб наверняка.

Подождали еще с полмесяца.

Наконец сняли все бинты и шины. И какое же было наше огорчение — он не мог взлететь! Ходил по палубе, злился, а взлететь — никак. Он вообще не шевелил больным крылом, будто забыл про него.

— Давайте-ка посадим его на борт! — сказал боцман.

Посадили на борт. Баклан смотрел на воду, распутив крылья, кричал, но не взлетал. Боцман подкрался сзади и подтолкнул.

Баклан, закричав, закувыркался вниз, но перед самой водой взмахнул крыльями и взмыл вверх. Выше, выше... и снова закричал. Но это уже был другой крик. Не рыкающее отрывистое: «...ыр...ыр...ыр!», а протяжный, радостный крик: «...ыр-р-а... ыр-р-а-а...»

Теперь мы видели лишь одну черную точку над морем. Она приблизилась к облакам, потом спустилась и свернула к берегу.

— Хоть бы круг на прощанье над нами сделал, — сказал боцман.

— Ага! — сказал Мишка, потрогав нос.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЗАПЛЫВ

Киты — милые и добрые животные. В море они занимаются своим делом и не вмешиваются в чужие. Ни на кого и ни на что не обращают внимания. Правда, иногда раненый кит подныривает под китобойное судно и пробивает днище спиной или гнет винт. Так то ж раненый... А вообще — это добродушные великаны.

Но однажды мне пришлось забыть, что такие вот они хорошие. Было так.

Рыбачили мы. Стоял август, самое золотое время в этих широтах. Ночью рыбка бралась хорошо, утром сдали ее на плавбазу — большой пароход-завод, где делают консервы, днем отдыхали и спали, читали книжки, играли в домино, рассказывали сказанные-пересказанные истории.

Проснулся я перед обедом. Вышел на палубу — на океане праздник: вода как искристосинее стекло, в воздухе — ни ветерка, тепло. Даже чайки отдыхают: блаженно опустили крылья и втянули головы. «Именины у Нептуна, наверно», — подумал я.

Смотрю, неподалеку от нас лежит в дрейфе еще один сейнер, «Конда». На «Конде» у меня товарищ — матросом. Мы с ним земляки, в одной школе учились и даже на одной парте сидели.

Взял бинокль — на «Конде», на крыле мостика, стоит мой дружок и зазывно машет шахматной доской. Когда-то мы с ним любили в шахматы сражаться. Он, между прочим, сердился, когда проигрывал, даже на другую парту пересаживался.

— Товарищ капитан, — спросил я (капитан в это время на мостике стоял), — разрешите на «Конду»?

— Плавать умеешь?

— Как рыба.

— Добро.

Сбросил я тапочки, шаровары и с мостика — бултых. Водичка что парное молоко. Лег на спину и, работая одними ногами, плещусь, плыву. Только долго блаженствовать не пришлось, вода вдруг стала холодной. Да такой, что терпеть невозможно, дыхание так и захлестнуло. Наверно, думаю, холодное глубинное течение наткнулось на подводную скалу и поднялось, а может, в этом месте граница холодного и теплого течения.

Перевернулся на грудь и поплыл быстрее. «Не свело бы судорогой ноги», — мелькнула мысль. До «Конды» еще далеко, возвращаться назад — нелепо, засмеют.

А вода все холоднее и холоднее. Жжет грудь, живот, ледяным кольцом сдавливает шею. Руки и ноги онемели, кончики пальцев уже ничего не чувствуют. И все тело как резиновое. «Назад... пусть думают, что хотят». Поворачиваюсь — до нашего «Оймьякона» еще дальше. «Нет... только вперед». Стараюсь изо всех сил. Кричу, машу рукой. Вода все чаще заливает затылок.

Вдруг позади раздался сильный шум, будто кто-то большой выдохнул в воду: «Фух-ты, фр-р-р...»

Я оглянулся: метрах в десяти от меня всплывает черно-грязная спина. Кит! С фонтаном. За этой спиной — другая, третья. Пасти такие, что в них наш «Оймьякон» или «Конда» поместятся. А лбы бугристые, ракушкой обросли. Глаза! И еще — киты будто подмигивают мне... Мама родная! По рукам и ногам пробежало электричество. А позади меня: «Фух-ты!» Мне показалось, что киты уже раскрыли пасти...

Я плыл с такой скоростью, что, безусловно, побил мировой рекорд. Никогда никому так не проплыть. Даже вода стала горячей.

Как попал на «Конду», не помню. Меня выхватили из воды, потом, кажется, уронили за борт — я все махал руками и ногами, — потом опять выловили и положили на невод. Ни говорить, ни дышать я не мог. Сердце так колотилось, что грудной клетке стало больно.

— Ну что, — спрашивают меня кондовцы, — здорово напугали тебя киты?

— Ни капельки, — говорю, — даже наоборот, выручили из беды.

— Из какой же?

— Вода — лед. Доплывите до «Оймьякона» — узнаете.

Никто из них, конечно, не захотел отправиться в такое плавание. Да и я сам возвращался в шлюпку.

Александр Сахаров

ЖУРАВЛЬ

За прудом на косогоре ферма, и там куры живут за проволочной сеткой. У входа во двор будка из досок — собачья, а цепи не видно.

Я остановился — собака без цепи, наверное, — вдруг укусит. Постоял — тихо... Пойду, думаю.

Только калитку открыл... из будки как выскочит!.. Не собака только, а птица на длинных ногах, большая, серая — журавль — и ко мне.

Я скорей за калитку прыгнул.

Хоть и не укусит, зато клюв острый и длинный, как штык. Но почему в будке собачья живет?

Вечером мне рассказали, что журавленок живет на ферме с лета — его поймали в степи; привык, и теперь он там сторож и прогоняет всех, даже собак — никого не боится.

И будку захватил, а зовут его Тютка.

Почему Тютка — не знает никто. Тютка и Тютка...

ПУСТЕЛЬГА

Вокруг села степь, и в степи пруды кое-где — одни ближе, другие дальше.

От села дорога на бугор ползет.

Спустился к пруду и опять на бугор, а на бугре ветер да татарник колючий.

Внизу у пруда облако серое плывет, клубится, сжимается тесней, тесней...

Это не облако — это отара.

Собаки носятся вокруг, лают — овцы в кучу сбивают, чтоб не разбегались. Сзади чабан-старик, а над отарой степной сокол-пустельга быстро-быстро бьет крыльями, висит на месте.

Овцы то мышью вспугнут, то кузнеца подымут — пустельга тут как тут — крикнет, бросится к земле...

Присмотрись, идет ли человек степью, или комбайн пшеницу косит, обязательно над ним пустельга висит, будто привязанная.

Охотится, а кажется, что провожает.

ИДЕТ ТУРНИР

Задания рыцарям во втором туре.
Шахматисты! Найдите мат в два хода —

А. Белые: Крe1, Фa1, Cf5, Kf3, черные: Крг2.

Б. Белые: Крд5, Фf2, Kf1, п. g3, черные: Крh1, Ch2, Kf3.

Шашкисты! Найдите выигрышающую комбинацию в концовках рыцаря Вадима Булата (Витебск) —

А. Белые: c1, e1, e5, f4, g3, h4, черные: a3, c3, e7, f8, h6, h8.

Б. Белые: a1, d2, d6, f4, f6, черные: a5, b6, e3, f8, h6.

КНОСК

„МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

— Как узнать, чей ход в позиции, если это не указано?

— Если не указано, то ход белых!

• • •

— Как узнать, куда на диаграммах идут белые?

— Белые всегда идут вверх!

ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ!

Приказом Ферзьбери в АРЧЕБЕКЕ создан отряд шахматных оруженосцев. В него зачислены все рыцарята, и с этого дня они будут именоваться оруженосцами.

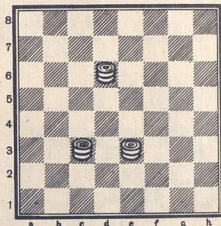
Вот задание оруженосцам —
1. Сыграй 25 партий (конечно, не за один раз).

2. Расставь фигуры так — белые: Крe3, п. f5, черные: Крc3, п. a4. Игравшие эту партию забыли, чей тут ход. Определи, кто выиграет при ходе белых и кто — при ходе черных.

Слово — гроссмейстеру Венниниу Городечкому.

— Три дамки ловят одну, если они владеют большой дорогой (диагональ a1—h8). Это доказал еще 150 лет тому назад Александр Дмитриевич Петров, основоположник теории русских шашек.

Нужно расставить три дамки так, чтобы они образовали «треугольник». Вот, например, один из возможных треугольников —

Теперь, где бы ни стояла черная дамка, ее быстрая гибель неизбежна! Пусть она стоит на d8. Куда ей пойти? Если 1... dh4, то 2. cel h6 3. eg5 и т. д. X, если же 1... da5, то 2. db4 ac7 3. eb6 и т. д. X. Или, допустим, черная дамка стоит на h4. Тогда, если 1... he1, то 2. ca5 eh4 3. ael и т. д. X, если же 1... hd8, то 2. ael и т. д. X.

Другие треугольники вы найдете, повернув здесь показанный на 90, 180 или 270 градусов.

ЧУДЕСА В ШАХМАТНОМ РЕШЕТЕ

Уважаемые рыцари! Я, всемирно известный факир-маг На Ду Валкин, сейчас с помощью Автомата покажу вам оригинальный фокус!

На обыкновенной шахматной доске я расставляю белые фигуры так — короля на h4, ферзя на a4, слона на c3, пешки на a6, c6, g2. Я ставлю черного слона на h3. А теперь — минутку...

— Ты скажи мне, Автомат: кто кому поставит мат?

Все ясно: никто победить тут не может. А почему? Потому, что нет черного короля! И вот я даю вам в руки этого черного короля, а вы должны поставить его так, чтобы белые смогли объявить мат в два хода. Кто сумеет это сделать, уважаемые рыцари?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

№ 11. На полгоне. Мат в 4 хода — 1. Фh8+1 и т. д. Колобка рыцаренка.

1. Cc8! Кафе «Проходная пешка».

С. Орлов — 1. Фg3 И. Русак —

1. Kc5! и т. д. Ю. Селавкин —

1. Фg8! Уголок заядлых спорщиков.

А. 1. g3! 2. d6X. Б. 1. bc5! 2. ab6!X

В. 1. d4! 2. b6!X.

№ 12. Что сказал Знай? Мат в три

хода — 1. Krb2! и т. д. Тайна факир-мага.

Белые: Крb2, черные: Крa4, Фb7, Лb4, Cb1, Kc3, 1. Kpa1! —

ничья! Диаграмма. 1. Cc5! d6 (1... e2

Kd3! и т. д.) 2. Kd5! de 3. Kf4 ef

4. Фf3 + Kf3X. Книга жалоб. А. На

b2 (1. d2!X). Б. На d8 (1. a7!X). В.

На a5 (1. c3!X).

ПРИКАЗ № 2

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-ОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям и оруженосцам прислать рапорты до 1 апреля.

§ 2. Рапорты писать на открытках. Всем новикам, еще не получившим паролка, помечать в левом верхнем углу — «Нов.»

§ 3. Итоги чемпионата АРЧЕБЕКА (1973 год) опубликовать в «Костре» № 4.

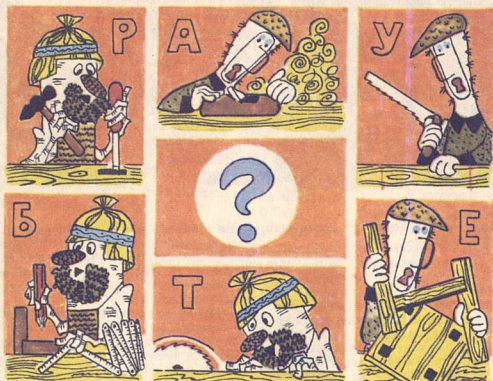
Шахмат-адмирал Ферзьбери

КОНСУЛЬТАЦИЮ ДАЕТ ГРОССМЕЙСТЕР

«Могут ли три дамки поймать одну?» — спрашивает рыцарь Ваня Хлопов.

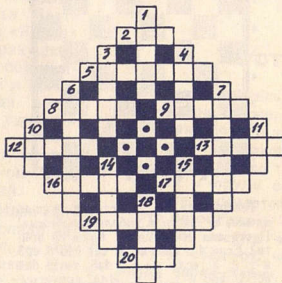

Демьяша и Сиволопыч решили обновить кое-что из мебели. Работая, они не забывали время от времени фотографировать друг друга, помечая каждый раз фотографию одной из букв названия вещи, которую они собирались смастерить. Но когда оставалось только собрать и склеить мебель, они обнаружили, что забыли, какую именно вещь они задумали. Может быть вы, ребята, разложив фотографии по порядку операций, сможете им вспомнить название каждого предмета.

РЕБУСУСНЫЙ КРОССВОРД. Этот кроссворд прислала нам Света Гусакова, ученица 7-го класса из села Борково Калининской области. Чтобы кроссворд вам не показался слишком легким, Хусейн зашифровал определения

слов в виде ребусов. Попробуйте разгадать ребусы, вписать слова по порядку номеров в кроссворд и дать всем словам — именам, названиям и понятиям — краткие определения.

СОДЕРЖАНИЕ

Мы и "Зарница" фотоочерк М. Еремича и И. Колтуна	1	Первый советский комендант Кушки очерк В. Фарберова рисунки Ю. Кымова	4	Имя, которое осталось в истории записала А. Пузачева оформление Н. Андреева	9	В полный рост открыл из поэмы Евг. Егупушечко рисунки Н. Кустова	10	Один год из жизни Гайдара очерк В. Фролова фотографии К. Коробицына	12	Барaban журнал юнкоров	14	Зеленые страницы к восьмидесятилетию В. Бианки	18	Павел Макаров документальная повесть Г. Черкашина рисунки А. Слепкова	20	Зина Портнова стихи Л. Клюшева	28	Чисто, просто, коротко и точно редакция В. Голыкина	29	Морская газета оформление Р. Попова	30	И если прозвучит сигнал тревоги фотоподборка Добрая дорога повесть-быль М. Пляхиной рисунки А. Сколузובה	32 34	Их знаниями, умом, поиском очерк М. Хейфеца рисунки Н. Андреева	42	Пурга над "Картонным домиком" повесть И. Ефимова рисунки В. Топокова	44	Ищем камень впамят зарисовка Т. Филиановской рисунки Т. Соловьевой	55	Уголек журнал для малышей	57	В холодном море рассказы Н. Рыжик рисунки Е. Галеркиной	59	Журавль. Путешествие рассказы А. Сахарова	62	Арбеков шахматы и шашки На обложке рисунки О. Давыдовой	63
--	---	--	---	---	---	---	----	---	----	-------------------------------------	----	--	----	--	----	---	----	--	----	--	----	--	----------	---	----	--	----	--	----	--	----	---	----	--	----	--	----

ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ЭКСПЕДИЦИИ

Из Ленинградского порта вышел флагманский корабль экспедиции парусно-моторная шхуна «Морская газета». В составе ее экипажа известные моряки: капитан Быстроходов и боцман Румпель. Позади осталась Балтийское море, и шхуна начала было рассекать своим форштевнем воды Северного, как вдруг...

КАК ВДРУГ

— Что это за черная точка на горизонте? — спросил капитан Быстроходов.

Боцман поднес к глазам бинокль.

— Акула! — сказал он.

Треугольный плавник морского хищника показался из воды у самого борта шхуны

— Именно в этих водах, у берегов Шотландии, экипаж яхты «Дункан» выудил из воды акулу, в брюхе которой была бутылка с письмом от потерпевшего кораблекрушение! — заметил капитан.

Через несколько минут акула была на палубе шхуны.

— Так! Так! — бормотал боцман, орудуя ножом. — Вот и желудок. Куриные перья... Матросский башмак... Эта рыбина была не из привередливых! О, — вот и бутылка!

В кают-компании бутылку осторожно вскрыли. На стол легли исписанные дрожащей рукой листки:

«...лантисного океана... берегов... зилин... необитаемое острове широта 5° северная, долгота 131° западная. Спасите мою душу!»

— Подпись неразборчива. Бумага местами повреждена водой. В координаты острова вкралась небольшая ошибка: одна лишняя цифра, — задумчиво сказал Быстроходов. — Бедняга, видимо, волновался! Что же, наш долг оказать ему помощь. Поднять все паруса!

ДОНЕСЕНИЯ ЭКИПАЖА

РАСПОРЯЖЕНИЕ ПО ТЕЛЕГРАФУ

Всем экипажам.

О какой небольшой ошибке в координатах говорил капитан? О берегах какой страны идет речь в письме?

Проложите на картах свой маршрут к острову.

На каком расстоянии (в километрах, милях или градусах) от точки рандеву № 1 проходит теперь ваш путь?

Донесения шлите по адресу: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, журнал «Костер», «Экспедиция вокруг света».

«В нашем экипаже одни девочки — семь человек, и мальчишки в нашем классе говорят, что женщина на корабле — к несчастью... Но мы ведь пионеры и не обращаем внимания на предрассудки. Мы начинаем кругосветное плавание.

Лена Крутицкая, капитан «Персея», Челябинск»

Рисунки А. Курушина

НАША ПОЧТА

«Экипаж сформирован. Нас трое. Четвертый — шенок Клубок. Корабль назвали «Александр Пушкин». К плаванью готовы».

Экипаж теплохода «Александр Пушкин», Ленинград

КАРТИНЫ

А. Кушнер

Если видишь: на картине
Нарисована река,
Или ель и белый иней,
Или сад и облака,
Или снежная равнина,
Или поле и шалаш,
То подобная картина
Называется: пейзаж.
Если видишь на картине
Чашку кофе на столе,
Или морс в большом графине,
Или розу в хрустале,
Или бронзовую вазу,
Или грушу, или торт,
Или все предметы сразу, —
Знай, что это: натюрморт.
Если видишь, что с картины
Сматривает кто-нибудь на нас:
Или принц в плаще старинном,
Или в робе верхолаз,
Летчик или балерина,
Или Колька, твой сосед, —
Обязательно картина
Называется: портрет.

Рисунок А. Харшака

Главный редактор С. В. Сахаров

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, А. И. Панителев, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Терebinская (отп. секретарь), В. В. Торопыгин, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Беломлинский

Технический редактор В. И. Мецатунова

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: 190015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются

М-28003. Сдано в набор 5/XI 1973 г. Подписано к печати 3/I 1974 г. Формат 60х90%. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 500 000 экз. Заказ 1663. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, П-101, Кроновская ул., 7.